БЕССильный чемпион

Автор:
Григорий Володин

БЕССильный чемпион

Григорий Володин

Гроза ада #1Современный фантастический боевик (АСТ) #242

Ты спас вымирающее человечество. Перебил полчища демонов, одолел их Генералов, сбросил в лаву главгада, а затем оказался в другом мире, ослабленный, без доступа к местной силе. Все вокруг по привычке называют тебя Бесенком и с насмешкой кличут чемпионом. Так почему бы им не стать? Чемпионом по прозвищу Бес.

Григорий Володин

Бессильный чемпион

© Григорий Володин, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Глава 1

Больничка

– Чисти зубы осторожно, – мажет мне скулу кремом от отеков молодая медсестра. – А то швы разойдутся.

– Зачем на зубах нитки? – приподнимаю я брови. Боли не чувствую. Вообще лица не чувствую, как будто и не родное совсем. Хотя последнее так и есть: в этом теле я всего две недели. Щупаю пальцами опухшую скулу и повязку на носу.

– Не на зубах – на губе, дурачок. – Смеется она. – И не вздумай чесать правый глаз.

– Опять швы? – подозрительно прищуриваюсь.

– Ага, – улыбается она.

– Прямо на глазу? – испуганно открываю рот.

– На веке! Так, господин Бесонов, прекратите корчить рожицы, – говорит в шутливом тоне. – И не двигайтесь. Дайте обработать ваши синяки.

Послушно замерев, оглядываю ее стройное тело в белом халатике и едва ли не облизываюсь. Коварные подростковые гормоны не сдаются. Когда в последний раз так бурлили андрогены под кожей? Лет десять назад? Да и в свои шестнадцать мне было вовсе не до спокойной жизни. Мир горел, человечество вымирало. Все мои мечты крутились вокруг способа, как прикончить Генералов демонов, а не обласкать симпатичных медсестер. Но этот мир не знает Страшного вторжения. Можно расслабиться, покайфовать обычным подростком… полюбоваться шикарными буферами опять же.

Медсестра замечает кол у меня под простыней и краснеет.

– Господин Бесонов!

– Что? Там уже минут десять ничего не двигается, – честно смотрю я в ее большие глаза.

Она пытается строить из себя строгий медицинский персонал. Но не выдерживает и смеется.

– Выздоравливай, Бесенок, – убирает баночку крема и отворачивается. – Хотя, видимо, ты и так здоров как бык.

– Осеменитель? – подмигиваю ей.

Получаю легкий подзатыльник.

– Бесенок!

Слово снова режет слух, но молчу. Ну что это за детское прозвище! Я – Артем Бесонов, верно, да, а дальше расходимся в показаниях. В старом мире жил-да-мочил чудовищ боец-демоник по кличке Перун, здесь же валяется на больничной койке шкет Бесенок. Школьник бесноватый, блин. Ладно, терпим-терпим, Тема, ничего другого не остается.

– Лучше скажи, когда меня выпустишь из больницы? – ухмыляюсь. – Или так сильно понравился, что никогда?

Новый подзатыльник, только в этот раз рука чуть задерживается на моей взлохмаченной шевелюре.

– Доктор сказал, что последствия аварии незначительные, так что скоро. Потерпи немного и увидишься с одноклассниками.

Цокая каблучками, медсестра уходит. Я откидываюсь на пахнущую кондиционером подушку и размышляю. Мое отражение глядит из окна. Лицо действительно мое, только моложе лет на десять. Да и видок в целом… тут и там швы, лицо перекошено. Хотя в Страшном мире мне и не так доставалось. Но благодаря фракталам Высших демонов даже шрамов не оставалось, мигом все затягивалось.

Этот мир другой, он добрый и прекрасный, здесь нет войны с исчадиями ада, зато есть шоколадная паста! Не только мир – сам я другой, хоть и имя, и лицо те же. А еще мои родные здесь живы и здоровы. Может быть, это рай? Ведь Страшный мир спасен, Владыка выводка мертв, и я тоже вроде бы. Заслужил же, в конце концов, вашу мать, после стольких лет бойни.

Что помню из последнего в Страшном мире? От воспоминания сразу наворачиваются слезы. Мои друзья пожертвовали собой, бросились в пасти тираназам ради того, чтобы я один прошел дальше. Ради мизерного шанса спасти мир. И я оправдал их глупую веру. Замочил Градгроба и скинул огромную вонючую тушу в шипящую магму Эразина. До сих пор в ушах гремит урчание жерла беснующегося вулкана. Дальше темнота. Неужели раны доконали? Не должны: подумаешь, руку отсобачило, да острый осколок гранита бок насквозь пробил. И не с таким дерьмом выживал. Однажды фрактал Четвертого Генерала Эсклопа заново отрастил мне тело буквально с нуля. Только брызгающая кровью голова и осталась – закатилась в расщелину скалы, пока остальным пировали визжащие гарпиусы.

Возможно, яд. Помню, как метровые когти Владыки выводка отсвечивали фосфором в тени утесов. А может, просто оступился и свалился в магму. М-да, вот это героическая смерть Перуна-демоника. Генералов замочил, Градгроба пересилил, а на своих двоих не устоял. Хотя с урока по истории помню: великие мужи частенько помирали от всякой банальщины. Петра Первого, например, простуда довела. Слабое утешение, черт.

Рай или нет, но закинуло меня в тело пацана, пережившего автомобильную аварию. Не знаю, где теперь сам Артем-Бесенок, месяц тело пролежало в коме, прежде чем обрело нового хозяина. Очень не вовремя водителя автобуса дернуло на встречку – в самый разгар абитуры. В итоге парень первое сентября пропустил, экзамены в старшие школы тоже профукал. Хотя благодаря спортивной стипендии за мной до сих пор числится место в одной из лучших гимназий страны. Бесенок-то не абы кто, а сам чемпион Всероссийских игр по саммо среди учеников средней школы. Звезда местная, уже паре санитаров пришлось дать автографы.

В палату стучатся, заглядывает моя сестренка Лена.

– Братик, не спишь?

– Нет, – тут же подбираюсь я повыше.

В Страшном мире сестренка умерла в самом начале Вторжения, я сам закрывал веки на ее опаленном личике. Именно у ее трупа я впервые сражался насмерть и прибил первого демона-ксинуса. Так начался мой путь демоника.

Четырнадцатилетняя девочка подходит ко мне, и мое сердце сжимается. Те же голубые глаза, те же короткие светлые волосы. Все, пора вставать с койки – пока разлеживаюсь тут, сестренку могут обидеть. Снова.

– Братик, смотри, кто со мной пришел.

Пятеро широкоплечих парней вваливаются в палату. У всех разного цвета волосы.

– Бро, здоров! – хрипит блондин. У него что-то с горлом?

– Бесенок смирно лежит? Точно снег в жару пойдет, – ухмыляется брюнет с пушистыми ресницами. Лена бросает на него долгий взгляд. Замечаю, как в ее глазах пляшут горячие искры. Едва сдерживаюсь, чтобы не выкинуть парня в окно.

– Харэ разлеживаться, Тём. Нас осенние игры ждать не будут, – всплескивает руками рыжий.

– Ага-ага, куда мы без нашего капитана, – хмыкает красноволосый. Он что, крашеный? Серьезно? Как девчонка?

– Даже тренировки без тебя не ладятся, хоть тренер Хромов гоняет до седьмого пота, – а этот вообще зеленоволосый. Вот же радуга ко мне привалила. Прямо корейская поп-группа пожаловала. Странно, что у меня самого не желтый окрас для гармоничности.

Меня в шутку бьют по плечу, толкают, подначивают. Ленка в сторонке тихо улыбается. Радуется, что у братика столько верных друзей. А я радуюсь, что сестренка жива.

– Парни, извините, но в играх я больше не буду участвовать, – огорошиваю всех новостью.

Все замолкают. Слышно, как за окном птички чирикают.

– Ты хоть объясни, Тём, – просит брюнет. – Чего так резко? Ты же лучший, ты Бесенок!

– Бывает, что все меняется, парни. Вот и я тоже… изменился.

– А как же лицей? – зеленоволосый всплескивает руками. – Он же профильный. Ученикам нельзя не участвовать в спортивных либо музыкальных клубах.

– Значит, буду на саксофоне дудеть, – язвлю.

– Кто тебя к нему пустит? У тебя стипендия спортивная, – восклицает рыжий.

Вздыхаю. Пристали, хотя верно поступают: друзья ведь. Придется правду раскрыть. Не всю, понятно.

– Парни, я больше не ощущаю живу. В саммо меня любой детсадовец сделает.

В этот раз тишина более продолжительная. У ребят даже челюсти отвисают. Только Лена смотрит грустно – она с родителями уже в курсе.

– Как не ощущаешь? – хрипит блонд. – Давно?

– Сразу после аварии заметил.

Вообще, едва очнувшись, заметил я совсем другое – что все вокруг колдуют. Ну ладно, не все. Здесь магия что-то вроде боевого искусства. Постоянно занимайся физкультурой, закаляйся, отрабатывай каты – и не нужно будет вставать за забытой ложкой для борща. Сама прилетит.

Техник обращения с духовной энергией «жива» множество. И стилей тоже: в Японии постигают айкидзюцу, в Индии – шива-ранга. Здесь же, в Российской

империи, процветает славянская войстезя или, по-современному, саммо – самозащита ментальным оружием. Соревнований проводится множество, и не только боевых поединков. Так, в России популярны тактические Военные игры – командные соревнования, где мало уметь сражаться – тут думать надо.

Мне жива не дается, даже простые манипуляции не выходят. И фракталы убитых Высших демонов, похоже, сгорели вместе со старым телом в жерле Эразина. Иначе сшивать губу бы не пришлось. А значит – жизнь с нового листа. И это к лучшему.

Глава 2

Новый мир, знакомое лицо

Я сижу на скамейке возле больницы, закрыв глаза. Жую жвачку и пытаюсь ощутить фракталы – все-таки грустно не уметь ничего противопоставить местным «каратекам». Хоть и навоевался в Страшном мире, но защитить родных необходимо в случае опасности. И что-то наконец нащупывается.

Фрактал Высшего демона – это энергетический код, вшитый в астральное тело, комбинация из Платоновых тел: кубов, тетраэдров, октаэдров, икосаэдров и додекаэдров. Сложный ментальный геометрический узор, можно сказать пси-руна. Обычно. Сейчас вижу лишь груды наваленных друг на друга геометрических фигур. При переносе моей души в этот мир код разорвался и имеем то, что имеем – бардак из перемешанных многогранников. Когда я убивал Генералов, то мое астральное тело принимало уже готовый фрактал. Сейчас же задача – заново собрать этот конструктор из сотен элементов. Запросто могут уйти годы.

А драться, может быть, придется уже сегодня.

Вчера заметил у сестренки на скуле небольшой синяк. Сказала – упала. Три дня назад ее нежное запястье было изодрано. Будто шоркала им по асфальту, когда снова упала. Или кто-то уронил.

Встаю со скамейки и иду по лужайке к забору. На мне выцветшая футболка, потертые стертые трико и прогулочные кеды. Выгляжу как бродяга, ну да ладно. Не на свидание же собираюсь.

Зацепляюсь вытянутой рукой за забор и одним махом его преодолеваю. Тело Бесенка более-менее натренировано, все-таки чемпион среди кадетов. Ну а я знаю, как им действовать. Меня не пугают местные чудодеи. Еще не будучи сильнейшим демоником, постоянно искал непростых противников. Хотел уничтожить породу демонов под корень. В итоге так и случилось.

Где находится школа Лены, узнал заранее. Добираюсь туда на автобусе за рубль. Мелочь на вкусняшки отсыпали родители, но не тратился, берег для такого вот случая.

Сейчас полдень – уроки в средней школе только заканчиваются. Лена уже, скорее всего, на пути домой. Пройдя часть дороги от школы до дома, заворачиваю на глухие звуки в переулке. И вижу, как одна школьница-сучка удерживает мою сестренку сзади, вторая лупит ее по почкам, а третья дрянь все это снимает на камеру.

Прекращаю этот беспредел. Перехватываю занесенный кулак той, что избивает Лену. Похоже, она главная – худая блондинка с яростными глазами. В острых чертах лица ощущается наглость лидера шайки.

– Братик? – удивленно и обрадованно вскрикивает Лена.

– Эй, какого хрена! – визжит гопница в моих тисках. – Ты знаешь, кто мои родители?

– Ну, раз ты дворовая шавка, то, видимо, те еще псины.

Не отпуская блондинку, хлопаю по рукам ту, что держит Лену. Гопница в испуге ее отпускает, а я уже разворачиваюсь к третьей и выхватываю у нее камеру. Засовываю приобретение в карман штанов и требую, прищурив взгляд:

– Почему вы напали на мою сестру?

Нависаю над операторшей – у нее самые испуганные глаза. И не прогадываю.

– Это все Катя! – тычет она в блондинку пальцем. – Она давно Ленку травит в школе!

– Заткнись, дрянь, – шипит блондинка, пытаясь вырваться, но пальцы у меня как железные. – Тебе хана, придурок! Я все расскажу брату – он от тебя живого места не оставит. Ай… отпусти!

Я накручиваю ее длинные белые волосы на кулак, приближая к себе красивое надменное лицо. Девчонка выглядит почти взрослой, максимум на год младше моего реципиента.

– Слушай сюда, – рычу я, и от звуков моего злого голоса блондинка вжимает голову в плечи. – Еще раз тронешь Лену – не будет у тебя больше брата, уяснила?

Молчит. Сверкает глазами и молчит. Уже понятно: хулиганка не уймется, пока ее защитнику по лещам не надаю. А жаловаться она побежит сразу же, как отпущу. Как бы Лена под раздачу не попала.

– Больница шестьдесят седьмая, – говорю. – Палата четырнадцать. Хотите проблем – велком. А сестру не тронь, иначе без ушей в школу будешь ходить. Поняла? Пошла!

Отпускаю гопницу. Она, потирая запястье, срывается с места. Подружки за ней. Еще из переулка не выбежала, как кричит:

– Уже завтра ты – труп. Мышь, слышишь? Твой братишка – труп!

Мог бы догнать и вправду без ушей оставить. Но к черту ее: так проблему не решишь. Булинг можно остановить, лишь поставив на место хулиганов. Никакие разговоры не помогут.

Лена сглатывает, слезы наворачиваются на ее большие глаза. Тут же обнимаю, глажу по волосам.

– Тише-тише, – шепчу на ушко.

– Они же придут к тебе, братик! У Кати старший брат – мажор без тормозов. Их отец работает в аппарате московского градоначальника, у рода Долгоногих. Им полиция ничего не сделает.

– Вот поэтому ты мне ничего не рассказывала? И долго уже терпишь издевательства?

– С прошлого года, – шмыгает носом. Вот же дуреха! – Надо родителям рассказать.

– Зачем? – вытираю я пальцем слезы с ее лица. – Забыла, что твой братик – чемпион? Сам разберусь.

– Но ты больше не управляешь живой!

– И поэтому я сразу перестал быть чемпионом? – в притворной обиде отворачиваюсь. – Ты меня больше не любишь, сестра?

Мне в лоб прилетает звонкий щелбан.

– Глупый братик! – слышу и улыбаюсь.

Сестренка не выдерживает надутой мины и тоже сверкает во все тридцать два зуба. Мы идем в ближайшее кафе. Вот где пригодятся сбереженные карманные деньги – побаловать сестренку сладким.

Садимся у окна и заказываем по шоколадному мороженому. За соседним столом смеются симпатичные девушки в школьной форме. Уши услаждает звонкий мелодичный смех, а глаза любуются тонкими станами и длинными ногами в черных колготках. Не только я – вся мужская половина посетителей истекает слюной, разглядывая девичьи бедра, обтянутые короткими юбками. Вдруг одна из девушек замечает меня, и улыбка застывает на ее лице.

Убрав длинные волосы за плечо, шатенка встает и идет к нашему столу. Из-за юных лет и брекетов, немного оттопыривающих губы, я не сразу узнаю Ольгу

Менскую. Мою напарницу в Страшном мире по прозвищу Кали.

Воспоминания нахлынули бурлящим потоком. Старая жизнь проносится перед глазами. Я замираю и на несколько секунд возвращаюсь в Страшный мир, во времена войн и безумия.

Вдвоем с Ольгой мы идем по коридорам подземелья – царству кротосов. За нашими спинами источают запах гари дымящиеся тела сожженных врагов. Благодаря фракталам окружающий душный мрак прозрачен для нас, как дневной свет. Только жарит нещадно, примитивные вентиляционные шахты почти не доносят свежего воздуха на бесконечную глубину. Поэтому оба разделись буквально до трусов. Мне приходится нехило напрягаться, чтобы не глазеть на покрытую испариной ложбинку между грудями Оли. Лифчик плотно облегает налитые женственной силой шары.

– Опасность почувствовал, Перун? – ее глаза превращаются в узкие смеющиеся щелочки. – У тебя лицо странное. Не будь мы в логове врага, сказала бы – возбужденное.

– Похоже, твое ночное зрение сбоит, – нахожу я отмазку. – Все нормально у меня.

– Правда? Жаль, – ее лицо становится грустным и прекрасным настолько, что мой взгляд разрывается между ее мокрым блестящим телом и поджатыми коралловыми губами. – Наши в лагере говорили, что сердце Перуна каменное, как кожа Градгроба. Понадеялась, что наконец-то растопила тебя.

– Зачем? – прищуриваюсь. Поиздеваться, что ли, хочет?

– Как это зачем? – округляются ее глаза. – Многие женщины желали бы разделить постель с убийцей пятерых Генералов. В признательность за спасение тысяч жизней.

Ого. Вот так новость. А я ведать не ведаю о своей бешеной популярности. Только ничего это не меняет. Все из-за демонов – пока не замочу последнего рогатого гада, не успокоюсь. Жена, семья, дети, дом с яблоней у веранды – смогу об этом думать, только когда сражу Владыку выводка. Когда спасу мир. Не раньше.

Но сейчас близкое, пахнущее потом, нежное тело манит, мысли бегают, сердце колотится, отдаваясь эхом в горле. И это эхо выскальзывает между губ наивным вопросом:

– И ты среди этих женщин?

– Конечно! – не задумываясь, отвечает она. Ее готовность заставляет меня смущенно отвернуться и даже дать зыбкую надежду.

– Возможно, когда-нибудь, Кали. Возможно, если человечество спасется.

– Буду ждать, Перун.

Я оглядываюсь: вокруг посетители кафе, официанты, за панорамным окном гудящая автострада. Во рту холодная сладость от мороженого. Прямо на меня идет Оля. Ласковая и податливая Оля. Школьная юбка сминается при каждом шаге. Дождались, мы оба дождались мига, когда все преграды пройдены. Когда мы отдали все долги Страшному миру вместе с последней каплей нашей крови. Когда…

– Как ты смел заявиться? – рычит девушка, закатывая рукав. – Сам напросился – сейчас я надеру тебе зад.

…Когда можно забыть о сражениях. М-да.

Глава 3

Самозащита без ментального оружия

Вскочившие со стульев подруги пытаются удержать разбушевавшуюся Олю-Кали.

– Олечка, успокойся! – кладет руку ей на плечо розоволосая девушка.

– Одумайся! – другая, с каре, хватает занесенное запястье. – Твой отец не обрадуется, узнав, что ты распугала посетителей. Сама вспомни, как он жаловался на низкую выручку.

– Руки! – гаркает Оля, и подруги отшатываются – не по своей воле. Я вижу, как на секунду на груди ближайшей девушки сминается рубашка. Третий размер задорно качается, словно от толчка. Будто невидимая фантомная рука их пихнула.

Вспоминаю техники саммо, о которых успел прочитать в палате. Стиль Рыгл, «брошенный кулак» на минималках. Обычный «кулак» выбил бы воздух из дыхалки, тут же силу удара принудительно сдержали. Судя по умелой, тонкой манипуляции живой, местная Оля весьма крутой Ученик либо даже Воин.

– Значит, это ваше кафе? – лениво говорю. – И часто вы так на клиентов кидаетесь?

– Молчи, дурак, – шипит на меня подруга Оли с розовыми волосами. Ох уж эта мода на цветное ассорти. Ладно, здесь я не против – симпатичным девушкам очень даже идет. Но на парнях выглядит прямо «брррррр».

Вторая подруга поддакивает:

– Не нарывайся лучше. Хватит с тебя, что поцеловал ее в прямом эфире. И так приговор себе подписал.

А вот это интересно. Наш Бесенок, оказывается, тот еще бесенок.

– Слушай ты! – стискивает Оля кулаки – костяшки местами изукрашены старыми белесыми шрамами.

Из служебной двери выбегает мужчина в тройке. Так быстро несется к нам, что его галстук отлипает от рубашки и болтается как маятник.

– Юная госпожа Менская, что-то случилось? – похоже, управляющий кафешкой.

– Случилось, – глядит Оля только на меня. – Я сама разберусь.

– Вы нас выгоняете? – округляет глазки сестренка, только-только занеся ложку над большой тарелкой с мороженым для следующего захода.

Оля на миг теряется, щеки ее становятся пунцовыми, как клубника, плавающая в суфле на соседнем столике. Эх, Кали-Кали, не увидела сразу, что я с ребенком, теперь не знаешь, куда стыд деть.

– Нет, наслаждайтесь, – милостиво разрешает она и садится на пустой стул за наш стол. Кидает мне рассерженно: – Как закончите, ты и я – на улицу.

– Зачем?

– Будем драться. За то, что опозорил меня на всю страну.

Пожимаю плечами и возвращаюсь к своей порции. Лена тоже наяривает ложкой мерзлую вкусняшку. Потоптавшись немного, управляющий уходит из зала. Подружки возвращаются за свой стол, поглядывая на нас. Оля же сидит прямая и напряженная, как струна, не отрывая от моего лица горящего взгляда.

– А когда я ее поцеловал? – шепчу Лене, толкнув легонько локтем в бок.

– На региональном чемпионате, – отвечает сестренка, облизываясь. – Твоя команда получила золото, как всегда, ее – бронзу. Вот на пьедестале во время награждения ты ее как схватил и как впился губами, – вдруг девочка краснеет и качает головой. – Братик такой дурачок.

Хм, дела. Интересно, с языком поцеловал? Ну не сестренку же об этом спрашивать.

– Доели? – прерывает Оля поток моих мыслей.

И, правда, Лена как метеор уже опустошила тарелку. Я только половину одолел, но да ладно, не буду заставлять ждать дам. Выходим с сестренкой на улицу. Оля следует по пятам, за ее спиной маячат подруги. Беру Лену за руку и веду ее вдоль дороги.

– Ты куда? – восклицает Оля. – Сбежать собрался?

Не оборачиваясь, кидаю:

– Тут место рядом подходящее есть. Не на тротуаре же мордобой устраивать?

Аргумент весомый, и девушка послушно шагает следом. Подруги не отстают. Через триста метров застываю возле остановки. Кручу головой по сторонам.

– Ну, где твое место? – бурчит целованная моим реципиентом школьница. – Или ты тянешь время? Только попробуй – вдвойне получишь!

Не обращая внимания, продолжаю всматриваться в закоулки между домами. Из-за поворота уже вывернул автобус, медленно подъезжает к остановке. Из открывшихся дверей вываливает народ.

Опускаю взгляд на Лену.

– Сестренка, за меня не волнуйся. Все будет хорошо. Как вернусь в палату – обязательно позвоню.

– Вернешься? – хлопает Лена глазами. – Думала, тебя уже выписали. Так ты сбежал?

Подмигиваю ей.

– Только – тссс! – никому, поняла?

– Ты что, меня игнорируешь? – ко мне подходит Оля и хватает за грудки. – Совсем оборзел? Здесь тебя и поколочу.

Смотрю в ее светло-голубые глаза с темносерой каймой. Мир другой, и сама Оля другая, а глаза те же – живые, наполненные здоровым и ясным блеском, в оправе длинных черных ресниц. Интересно.

– Нам незачем драться. Тогда тебя целовал не я.

– Не гони! – рычит она.

– А сейчас – я, – резко хватаю ее за голову обеими руками, притягиваю к себе и целую. Вкус коралловых губ завладевает мной – и, кстати, он намного слаще шоколадного мороженого. Намного приятнее.

Она пробует вырваться – но слабо, и не выходит. Мои губы опаляет трепещущий жар, и готов поспорить, ее тоже. Один костер на нас двоих. Одно пламя, одна близость на два разных мира. Закрываю глаза, но последнее, что вижу, как она тоже опускает веки. Окружающий нас шум – гудки автомобилей, лай собак, свист поднявшегося ветра – тонет в безмолвии между мной и ней. Растворяется в ускорившемся стуке наших сердец. Может, Оля не узнает, никогда не узнает меня, но… избить точно захочет еще сильнее! Ой, блин! Пора делать ноги!

– До скорого, – скидываю ее ослабевшие руки с груди и прыгаю в автобус.

Как раз вовремя – двери закрываются прямо перед моим носом, и железный удар сотрясает весь салон автобуса. Пассажиры испуганно вздрагивают. Трогаемся, сквозь приоткрытое окно слышу:

– Опять? Ты опять сделал это? Все! Ты – покойник! Слышишь? Артем Бесонов, я лично тебя урою!

Машу на прощание рукой, и это раззадоривает Олю кричать еще громче.

– Бесоно-о-ов!

Постепенно стройные фигуры девушек на остановке уменьшаются и исчезают, следом утихает и сердитый крик. Я выдыхаю – фу-у-ух, оторвался. Улыбка долго не сходит с моего лица, так что мимические мышцы начинают болеть. Лене, конечно, со стороны Оли ничего не угрожает. Та и так чувствовала себя неловко из-за наезда перед сестренкой. Правда, поцелуй ей крышу снес напрочь – орала на всю улицу, уже никого не стесняясь. Хе-хе, Кали такая Кали. Когда мы рвали в клочья орды кротосов, она была такой же безудержной.

Пассажиры все еще переглядываются и крутят пальцами у виска, а я, продолжая улыбаться, вспоминаю вкус коралловых губ.

* * *

– Вот урод! – Оля в последний раз топает туфлей по проезжей части и возвращается на остановку. – Своло… – Кира делает ей знак, указывая на сестренку Бесонова, и она тут же поправляется: – Негодяй, короче.

– Странно он был как-то одет, – задумчиво перебирая розовую прядь, замечает Рита. – Как будто в домашние футболку со штанами.

– Братик в них по больнице ходит, – кивает Лена, в восхищении разглядывая Олю. С одного пинка весь автобус встряхнула! Вот ей бы такой сильной стать. Никакая Шпигова не посмела бы ее трогать.

– В больнице? – вскидывает голову Оля. – Он лежит в больнице? Что-то серьезное?

– Ага, братик в аварию попал. Но выбрался ненадолго, чтобы мне помочь.

Рита переглядывается с Олей.

– Так значит, швы на его лице – это не после игр? – спрашивает Рита. – Это из-за аварии?

– Ага.

Оля вдруг ощущает странное удушье. Она касается кончиками пальцев своих губ – нестерпимо горящих после наглого поцелуя. Но теперь она вовсе не сердится. Теперь ей стыдно. Она собиралась избить больного! На глазах его сестренки! Есть ли более позорный поступок?

– Вы только сильно не бейте братика, – просит вдруг Лена. – После аварии он перестал управлять живой. Совсем больше ее не видит.

Есть – избить инвалида.

Внутри Оли натягиваются неведомые струны, причиняя физическую боль. Сердце сжимается.

– Я не буду его бить. Обещаю, – успокоить девочку – все, что она теперь может. – Скажи, пожалуйста, в какой больнице Артем лежит?

– Зачем тебе? – прищуривает глаза Кира.

– Хочу извиниться, – Оля плотно поджимает губы. Жар никак не хочет их покидать.

* * *

Вечером ко мне в палату вламываются три перца. Все на понтах, на волосатых запястьях болтаются золотые цепи, уши проколоты, глаза либо полупьяные, либо полутрезвые – выбирайте, что больше нравится.

– Крысеныш, это ты мою сеструху обидел? – скучающе бросает кадр в белом пиджаке.

– Блондинка с надменным лицом? – уточняю. – Она с подругами избивала мою сестренку в подворотне. Так что за дело обидел.

– Ты гон не гони! – пищит второй, худой, как жердь, с бородкой. – Знаешь, чья она дочь? Чей Боря сын? Попутал ты серьезно.

С трудом сдерживаюсь. Речевой этикет, конечно, на уровне каннибалов-тираназов – разговор у тех сводится к односложным рыкам и гавканьям. А если обнаружат у сородича открытую рану, то и этого не будет – молниеносно кинутся всей толпой и обглодают целиком до костей. Но раны у меня, к счастью, все зашиты.

– У меня доказательства есть, – тянусь за отнятой камерой – в тумбочку ее убрал.

Третий гость – жирдяй в обтягивающей водолазке – шагает прямо ко мне. Хрустит жирными кулаками. М-м-м, странно – казалось бы, его пальцы так заплыли прослойкой, что звукоизоляция вокруг костяшек стопроцентная, ан нет.

– Борь, походу, паря не поймет никак, – мычит жирдяй. – Давай поучим?

– Поучим-поучим, – кивает «белый пиджак». – Но не здесь, а то больница, место социально значимое. Сбегутся еще на шум доктора, зачем их отвлекать? Выйдем-ка для начала. Крысеныш, сам пойдешь?

– Сам, – пока что махнул я рукой на милое обращение к себе. В соседней палате тяжелобольные спят – не хочу никого растревожить.

Выходим дружной компанией в коридор, спускаемся на первый этаж. Со стороны регистрационной стойки раздается знакомый голос. Хе, не чаял так скоро ее услышать.

– Артем Бесонов в какой палате? – скидывает челку с глаз Оля и вдруг замечает меня. – Бесонов! А мы к тебе!

Вместе с ней пришли и подруги – розоволосая и с коротким каре.

– Снова драться? – улыбаюсь. – Извини, сегодня у меня очередь.

Киваю на гостей рядом. А те стоят, разглядывая девушек с открытыми ртами. Я и сам немного прифигеваю. Девушки сменили школьную форму на прогулочную одежду – блузки, приталенные кофточки, джинсовые юбки и гольфы, на бережно распущенных волосах блестят розовые заколки. Еще с утра боевая и дерзкая Оля сейчас милая и смущенная.

– Нет, я не драться, – краснеет она.

– Тогда снова целоваться? – подмигиваю.

– Ах ты! – Боевой задор возвращается к ней мигом, а вот краснота сходить с лица не желает.

– Артем, – серьезным тоном говорит розоволосая. – Ты сейчас сказал, что идешь с этими людьми драться?

– Ага, цыпа, – заявляет «пиджак»-Боря. – Колотить мы его идем, но вы можете с нами. Вас как раз трое, потом повеселимся шестером. Покатаемся, малышки, на моей «Волге».

– Что?! Малышки? – тут же вскипает Оля, но спокойная розоволосая опережает ее:

– Тогда мы с вами.

Я закатываю глаза, но молчу, иначе с места не сдвинемся.

Всей гурьбой вываливаемся на улицу, оставляем ворота больницы позади. Подходящий безлюдный проулок находится через двести метров. Жирдяй подталкивает меня к самому тупику – видимо, чтоб не сбежал, хе.

Но самое удивительное – три девушки подходят и заслоняют меня от поддатых мажоров.

– Какого? – бурчит Боря. – Не, малышки, резвиться с вами потом будем, сначала отшлепаем этого…

– Вместо Бесонова мы будем драться, – заявляет Оля, уперев руки в бока.

– Мы будем защищать его, – кивают ее подруги.

– Глупые девушки, – вздыхаю. – Валите домой. Вы кого прикрывать вздумали? Я тебя на играх уделал, Менская.

– Мы всё знаем, – оборачивается Оля и смотрит мне прямо в глаза. – Ты – инвалид, Бесонов. Жива больше не поддается тебе. Оставь это нам…

Гулкий удар сердца. Один стук кровяного насоса, недолгий миг, прежде чем я осознаю сказанное и рычу:

– ЧТО… ТЫ… СЕЙЧАС… СКАЗАЛА?

Внутри моего астрального тела сотрясаются ментальные многогранники. Разрушенный фрактал Третьего Генерала Яка дрожит всеми разобранными элементами. Порождается мощная психическая волна, удар проходит насквозь через проулок, по всем, кто в нем. Девушки и мажоры – их шатает, в глазах паника. Жирдяй так вообще плачет:

– Мама забери меня отсюда, – размазывает он сопли и слезы по лицу.

– КТО… ИНВАЛИД?

Меня обуревает ярость, что дала мне сил сразить Высших демонов, будучи никем, будучи слабаком. С трудом хватаю бурлящие эмоции за вожжи.

– Отойди в сторону, Менская. Повторять не буду.

– Н-нет, – вздрагивает упертая Оля, хотя ее блузка ходит ходуном – живот под ней судорожно сжимается и разжимается.

Розоволосая кладет ей руку на плечо.

– Послушайся его, Оль.

– Но…

– Если бы он совсем не владел живой, нас бы так сейчас не трясло.

– Хорошо, – после секундного раздумья Оля дает себя отвести к боковой стене.

Умница.

Шагаю к мажорам, по пути разминая запястья.

– Ну, кто хотел меня поколотить? – оскаливаюсь плотоядно, по-волчьи. – Налетай.

Боря выглядит бодрее всех, хоть и лицом позеленел после псих-шторма. Жердь тоже вроде в порядке. А вот жирдяй пока не боец – все еще плачет и тихо скулит.

– Бейте его! – наконец кричит Боря и срывается с места.

Отбивая первый же прямой выпад, ощущаю под предплечьем гранитную твердость. Уворачиваюсь от медленного джеба и пробую на прочность физиономию «пиджака». Костяшки будто в кирпич влетают. Отскакиваю назад. Чувствую, как саднит в руке. Ущерба же для Бори никакого – вообще никакого. Значит, вот ты какой, ментальный доспех. Впечатляет.

Ухмыляясь, Боря снова налетает на меня. Больше не использую прямых блоков – чревато травмами. Невелика потеря – в чистой рукопашке мажор мне не соперник. Главное, повалить его прежде, чем подсобят остальные.

От Бори прилетает удар ногой. Ловлю подарок и одним резким движением гну в коленном суставе.

– А-а-а-а! Отпусти!

Хруст.

Выворачиваю сильнее, доламывая сустав. На Борю жалко смотреть – корчится на асфальте и машет руками.

– ОТПУСТИ! ОТПУСТИ МОЮ НОГУ!

Можно, конечно, поелозить им по земле, побить головой об стены и бордюр, заодно изучить прочность доспеха. Но мажор уже готов. Какая жалость…

Резко отскакиваю в сторону, пригибаюсь. И смотрю на напряженного «жердя». Показалось? Нет, воздух рядом всколыхнулся точно. Значит, дальнобойная атака навроде «брошенного кулака». Сгусток живы, бьющий на расстоянии. Прелесть.

Снова чувствую что-то неладное. Колыхание воздуха. Перекатом ухожу к противоположной стене и, еще не выйдя из кувырка, пинаю «жердя» в живот. Тому будто пофиг – ментальный доспех уже надет. Но это все равно для отвлечения. Чтобы успеть вскочить. Хватаю за шиворот и врезаю башкой в стену. Еще и еще. С треском осыпается кирпичная крошка. Макаю «жердя» макушкой в асфальт, катаю его легкое тело по проулку, снова и снова долбя челюстью о бордюр. Задумчиво слежу, как мой подопытный воспринимает каждое новое знакомство с твердой поверхностью. Интересно же, насколько его хватит? Ой, уже все.

Выпустив ослабленное тело, подхожу к жирдяю. Смотрю на его лоснящееся от размазанных соплей лицо.

– Пожалуйста, не бей, – просит он.

– Ты же меня поучить хотел? – приподнимаю я брови. – Так давай. Для начала вруби доспех.

– У меня его нет, – плачет бедный. – Не продвинулся дальше Новичка.

Хмуро гляжу на него. Будь он демоном – без базара, уже бы с вывернутой шеей лежал. А так… что с него взять?

– Вызывай «скорую»: друзьям твоим бо-бо.

Отворачиваюсь от мудня к растерянным девушкам.

– Собираюсь уйти отсюда, чтобы не светиться с ними. Вам тоже советую.

– Бесонов, – подает робкий голос Оля. – Мы увидимся на отборочных?

Хм, она серьезно?

– Нет, ты же все видела, – киваю на стонущего Борю и бездыханного «жердя». – У меня больше нет живы. До скорого, девушки.

Покидаю переулок, но успеваю услышать из уст Оли:

– Видела… я не знаю, что я видела.

Глава 4

Привет, лицей!

– Алло, Маклауд, дело есть.

– Сосунок, ничего не попутал? Хватит с меня, что убираюсь за твоим отцом. Еще подтирать задницу его ублюдку я не нанимался.

– Следи за словами – у меня разговоры записываются. Отправить отцу твое «ублюдок»?

– Кхм… так чего тебе?

– Нужно избить одного козла. Хорошенько избить. Сломай ему обе ноги, выломай пальцы, отрежь уши…

– Воу-воу, полегче, пацан! Сам сказал, что записываешь. Без подробностей. Я свою работу знаю. Кто он?

– Артем Бесонов, школьник, вчера лежал в шестьдесят седьмой больнице, но может уже выписали. Слишком круто кулаками машет для больного.

– Щас притормози. Со школотой еще я не возился, ага. Дальше сам, пацан. Можешь своих прихвостней взять, раз один трусишь.

– Не трушу – уже пытался сам… и друзей уже брал. Он нас сделал.

– М-м-м… я ж тебя сам в рукопашке натаскивал. Ты ленивая задница, но что-то можешь. Не простой школьник, значит?

– Чемпион, мать его, по Военным играм среди малолеток.

– Ха! Насмешил! Так чего ты хотел? Думал, тебе по репе не надают?

– Блин, Маклауд, я же не просто так поперся к нему. Перед этим прозондировал почву, узнал в больничке, что он после аварии инвалидом стал и живу не контролирует больше. Он эту гребаную живу ни разу и не использовал во время драки… вроде бы…

– Вроде бы?

– Вначале какая-то хрень произошла. Будто бы он «устрашение» врубил. Всех нас тряхануло, а Хома вообще разревелся.

– Ничего не путаешь, пацан? «Устрашение» – способка на уровне Кмета, на моем уровне.

– Не знаю, Маклауд. Сам проверь.

– Чудные дела… Интересный парнишка. Слушай, пацан, я возьмусь за этого школьника, но только из любопытства. Не вздумай больше ко мне бегать с просьбами.

– Мне срать, главное, разукрась его по полной. Ноги обязательно сломай… И Маклауд… Маклауд? Говнюк! Я еще научу тебя трубки бросать!

* * *

Высокие черные ворота закрылись за отъехавшим такси уже как минут пять, а я все еще стою и оглядываю вычурные корпуса. Это точно Первый лицей имени князя Александра Бородова? Больше походит на летний дворец этого самого Бородова. Чистый озелененный двор, кленовые аллеи, кирпичные постройки с декором из белого камня и готическими деталями. Остроконечные башни. Арки и стрельчатые окна.

В Страшном мире мне не приходилось бывать в столь красивых местах. Зато хватало совсем другого «добра». Руины мегаполисов. Стоянки трианозов, полные смрада и гноящегося недожеванного мяса. Подземные пещеры, заваленные спаривающимися кротосами. Да, незабываемые воспоминания.

Эх, жалко, с семьей не удалось даже побыть. В день моей выписки из больницы лицей прислал письмо. Учсовет требовал, чтобы я приступал к учебе немедленно, как только здоровье позволит. Я бы и забил на пару дней, но родители побоялись. Вообще правы они, наверное. Заведение престижное, и отчисляют отсюда за любой серьезный промах. Глупо упускать удачу, раз попал.

Беру сумку и иду по тропинке. Деревья шелестят сочно-зеленой листвой. Бордюры – белоснежные и зеркально гладкие. Впереди на изумрудной, словно только что выкрашенной, траве сидят группы учеников. Девушки в коротких юбках. Парни, истекающие слюной, глядя на их стройные голенькие ножки. Повсюду – шум и смех. У многих учеников в руках гитары и скрипки. Одна девушка с хорошеньким личиком начинает петь, как дитя. У меня щемит сердце от сладкого голоска. Другая девушка аккомпанирует на гитаре. Останавливаюсь, слушаю.

– Чего встал посредине! – шаркнув меня плечом, обгоняет парень. – Понабрали, блин, простолюдинов.

Хм, сынок боярский, что ли? Ускоряюсь и провожу подсечку. Пока поваленный парень со стоном целует землю, говорю мимоходом:

– Что, ваше благородие, свои ноги не держат? Привыкли, что слуги носят?

Делаю всего пару шагов, как натыкаюсь на трех парней. Широкоплечие, шеи толстые, накачанные. Стоят посреди тропинки – ни обойти, ни объехать. Зыркают то на поваленного торопыгу, то на меня.

– И кто у нас такой смелый? – спрашивает один.

– Знаю кто… – плотоядно тянет другой. – Свежее мя-ясо!

Третий только фыркает и манит меня рукой к себе. Я раздумываю: бросать уже сумку или сами отстанут. Вряд ли в лицее мордобой посреди улицы разрешен.

– Бесонов? – слышу за спиной.

Оборачиваюсь. Молодая симпатичная женщина в бежевом костюме глядит прямо на меня.

– Он самый, – киваю.

– Я – Элла, твой куратор. Пойдем, – она разрезает группу парней, как ледокол айсберги.

Здоровяки послушно расступаются. Спешу следом. За спиной один из троицы говорит:

– Бесонов… чей он сын?

– Простолюдинов, – презрительно. – Это тот самый калека без живы, о котором все говорят. Смотри-ка, какой наглый.

– Так научи его манерам, – властно.

Взмахом руки Элла подзывает мужчину в синей униформе. Женщина решительно забирает у меня сумку и передает ему. Меня обволакивает аромат ее парфюма.

– Четвертое строение, четырнадцатая комната, – дает распоряжение Элла, и мужчина уходит.

Она ведет меня между корпусами.

– Пойдем, все основное покажу. Вот столовая. Все приемы пищи по расписанию, кроме ужина – в любое удобное время с шести до девяти вечера. Отбой – в десять тридцать. Первый и второй корпуса – учебные. Третий и четвертый – общежитие. Твой – четвертый, вот ключ от комнаты. За каштановой аллеей – территория музыкальных клубов. Тебя наверняка интересуют боевые клубы –

там, за живой изгородью, их целый квартал. Тренировочные полигоны примыкают к клубу по Военным играм. Его крышу видно даже отсюда – во-о-он там, видишь, красная черепица сверкает на солнце?

– Мне туда не надо, – даже не гляжу в указанную сторону. – Лучше покажите, где клуб по игре на саксофоне.

Элла легонько улыбается:

– Шутник, – совсем не оценивает она мою тягу к миролюбивому искусству. – Выход за территорию лицея запрещен. Пока ты учишься здесь, мы отвечаем за тебя… – Ее тонкая рука указывает на проходящего мимо безопасника в форме, с пистолетом на поясе. Серьезно у них тут все, не поспоришь. – Повсюду охрана – если что, она убережет тебя и от других учеников тоже. Не секрет, что многие высокоблагородные дети не воспринимают всерьез одноклассников не из знатных родов. Главное – не ведись на провокации. Не позволяй затащить себя на ринг или арену клуба. Там уже охрана не помешает им.

– Еще я детишек не боялся, – хмыкаю.

Элла удивленно смотрит на меня:

– Каких детишек, Артем? Ученики как минимум твоего возраста либо старше.

– Кх… ну мозгами, видимо, не выросли, если разнимать приходится.

Блин, успел забыть, что самому шестнадцать. Ох, Тема, палишься. Привыкни уже, что сам малой.

– Тогда все, Артем, – легонько хлопает Элла меня по плечу. – Твои вещи уже в комнате, там же и новая школьная форма. Размер сообщили твои родители. Если не подойдет что-то, поменяй в пятом корпусе – там персонал. Расписание уроков в тумбочке. Учиться начнешь с завтрашнего дня, сегодня – отдыхай.

Ее рука не успевает соскользнуть с моей куртки – ловлю нежные пальцы. Немного придерживаю. Ровно столько времени, чтобы ее глаза округлились и стали больше солнца. Мягко отпускаю.

– Отдохнул бы, да не с кем, – грустно вздыхаю и подмигиваю. – Не составите компанию?

– Артем Бесонов! – восклицает Элла, зардевшись. – Мы в лицее! Совесть имей.

– Ну ладно-ладно, – примирительно поднимаю руки. – Но вы не можете на меня сердиться. Любой бы на моем месте рискнул, – бросаю взгляд на снующих вдалеке учеников. – Любой взрослый.

Элла пытается делать серьезное лицо, но красные щечки не вписываются.

– Иди уже в комнату, пока я тебя на уроки не отправила.

– Не проводите до двери? – улыбаюсь.

– Бесонов! – пытается строго. Выходит же умоляюще. – Хватит.

Теребя воротник блузки, она косит куда-то в сторону. Прослеживаю за ее взглядом и вижу объектив камеры. Ну, точно не в этот раз.

– Понял. До встречи, куратор Элла.

Глава 5

Осваиваемся

В холле общежития уютно: холодильник, диванчики, в углу ваза декоративная и явно дорогая. Сейчас, правда, никого нет. Сворачиваю в левый коридор, иду мимо еще одного холла с плазмой и креслами.

У панорамного окна – симпатичная девушка с черноволосым парнем. У последнего широкие плечи и поза сватающегося петуха. Шепчутся, чуть ли не обнимаются, но, поглядывая на камеру на потолке, все же не решаются. Симпатяшка замечает меня, глаза ее округляются.

– Это он! Он!.. – шепотом.

– Да кто? – с большим нежеланием парень отрывает взгляд от ее лебединой шейки.

– Жень, это он сделал тебя на играх в средней школе. Он всех сделал! Даже княжну Бородову!

Черт, популярность Бесенка опять меня опередила и первой заехала в общежитие.

Парень поджимает губы. Похоже, испортил я ему малину.

– Ну не сам лично. Командами же играли…

– Разве не он уложил тебя на лопатки?

– Ну не сам лично, – настаивает на своем и вдруг потирает щеку. – Все же основную работу сделал его хук справа…

– А ведь даже не из дворян… – восхищенно и даже нагло разглядывает она мою изукрашенную физиономию.

Быстро прохожу дальше, пока у меня автограф не попросили. Сразу за поворотом моя комната. Толкаю приоткрытую дверь и вхожу. Большая комната с тремя кроватями, на одной лежит моя сумка. На другой – блондинчик книжку читает. Вглядываюсь в лицо, чувствую, как брови на лоб лезут.

Ух ты, как тесен мир! Шершень! Стас-Шершень! Мой былой товарищ.

Хлебнули мы с ним лиха в пустыне Гоби, сражаясь с Высшим демоном – Великим Червем Аба. Пока Стас мутузил его прихвостней-черведемонов, мне досталась эта серая громадина размером с десятиэтажный дом. Уроборос драный. Без толку прыгал я по его кольцам, рассекая «Громовыми когтями» направо и налево скользкую плоть. В итоге гад меня подкинул хвостом в воздух и проглотил, бе-е.

Пока летел червю в пищевод, время не терял – рвал в клочья слизистую. Ну и ему хватило. Свалился с таким грохотом, будто небоскреб рухнул, подняв тучи песка. С лязгом захлопнулись громадные челюсти, словно захлопнулась решетка на крепостных воротах. А я выбрался, вспоров брюхо… Ой, хохма, вспомнил: Шершень едва меня увидел, сразу завизжал, как девчонка. Было с чего пугаться – желудочный сок сжег всю мою кожу до мяса. Видок вышел круче, чем у любого демона. Ну, с фракталом Эсклопа подобные раны не страшнее легкой ссадины.

– Стучаться не учили? – хмурит брови Стас. – Я тебя не пускал.

Хм, грубовато.

– Я теперь живу тут. К себе домой не стучусь, уж извини.

– Из какого ты рода?

Стас, и ты туда же! Опять гребаные загоны на знатность.

– Большого.

– В смысле? Нетитулованного или из сиятельств?

– Бери выше – императорского.

– Серьезно? – выпучивает он глаза, подбираясь.

– А сам как думаешь? Разве великая маньчжурская династия Цин может звучать не серьезно? – слегка прищуриваю глаза, кося под китайца. – Аль не признал?

Шутку Шершень не оценивает.

– Ясно. Плебей, значит, – фыркает брезгливо.

Хм, ну и ладно, не сильно хотелось. Берусь разбирать сумку.

– Не спеши раскладываться. Ты здесь жить не будешь.

Да что не так с этим миром? Теперь меня все старые знакомые будут в шею гнать?

– Еще вякнешь – и я тебе челюсть сломаю, – буднично говорю, раскладывая одежду.

Сам Стасик напросился.

– В лицее драться запрещено, – шокированно смотрит он на меня. – Мигом отчислят.

– Ошибаешься. Никто никому ничего не может запретить, – бросаю через плечо. – Тебе ставят условия, а следовать им или нет – сам решаешь. Вот я, похоже, скоро решу накостылять одному заносчивому засранцу.

Блеф срабатывает. Стаса пронимает, он молча утыкается в книжку. Заходит парень, которого только что я нечаянно обломал с девчонкой.

Отлично. Еще один желающий меня достать?

Останавливается напротив меня. Тут же разворачиваюсь навстречу, ожидая любой подставы.

– Женя, – тянет мне руку. – Аксюк. Из Бессарабии.

Неужели в этом версальском дворце нашелся кто-то адекватный?

– Артем Бесонов. Местный московский.

Пожимаю в ответ, он сдавливает сильнее. Не уступаю, оба стискиваем пальцы крепче и какое-то время меримся писюнами.

Затем он заваливается на кровать. Достает мобильник.

– Алка тебя возле двери караулит, если интересно, – бросает в мою сторону быстрый взгляд и утыкается в телефон.

– Кто такая Алка?

– Княжна Алла Настьева, землячка моя, – грустно вздыхает. – Вместе из Дуная приехали два года назад, у меня планы на нее были, но, похоже, ты одним своим появлением ее отбил. Не поделишься, чем так девчонок цепляешь?

– Может, швами, – оттопыриваю двумя пальцами нижнюю губу.

– Не, – улыбается бессарабский дворянин. – Скорее, дело вот в том пластыре на виске.

Оба смеемся. Норма. Хоть один адекватный сосед.

– Может, заткнетесь? – рычит Стас, тряся книжкой. – Сосредоточиться не даете.

– Не воняй, – хмыкает Женя. – Голова болит.

– Иди к черту, цыганский аристократ, – мигом вскипает Шершень.

– Рот закрой, разоренный.

Начинается перепалка. Слушая краем уха, разбираю вещи.

– Юбочник!

– Ботаник.

– Дырокол!

– Зубрила.

Фу-ух, наконец развесил шмотки. Закинув пустую сумку под кровать, собираюсь наружу. Хочется спокойно помозговать, а не ругань переваривать.

– К Алке? – не упускает меня из виду Женя.

– Не беспокойся, сосед, – выхожу за дверь. – Меня никогда не тянуло к куску чужого пирога.

Боялся Женя не зря – едва переступаю порог холла, как с кресла вскакивает желанная им княжна. Такую грех не желать. Красивая, черноволосая и черноокая, загорелая и статная, еще раз красивая. Сотню, тысячу раз красивая. Позади ее тонкого стана отсвечивает включенная плазма.

– Здравствуй, Артем, – сверкая глазками, подает мне руку. – Я…

– Княжна Алла Настьева, – пожимаю мягкие пальчики. – Похоже, мы оба заочно знакомы друг с другом. И все благодаря Жене.

– Можно сказать и так, – смеется она золотистым смехом. – Ведь не одолей ты его на финальной стадии прошлогодних игр, ты бы мне не запомнился. Извини за правду.

– За правду не стоит никогда извиняться, – улыбаюсь до ушей. Выгляжу, наверное, как оскаленный тираназ. Но Алле, к счастью, подобные ассоциации незнакомы – глаз не отрывает от моего перебитого лица.

– Ты ведь новенький, – спохватывается она вдруг. – Интересно, наверно, посмотреть округу. Могу составить компанию.

– Почту за честь. – Прогуляться вместе с пирогом – не значит же его съесть?

Сначала решаем посетить парковую зону лицея. Пройдя насквозь светлую аллею, сворачиваем к далеким спортивным площадкам. Там на турниках занимаются девушки в коротких синих шортах и облегающих футболках. Есть чем полюбоваться – некоторые спортсменки так вспотели, что сквозь мокрые футболки проглядываются ореолы сосков. Одна девушка как раз подтягивается, демонстрируя гибкое тело и игру мышц.

– В субботу будет вечеринка, – шелестит сбоку приятный голос Аллы. – Хочешь со мной пойти?

Прости, княжна, но это уже сильно смахивает на покушение на чужой пирог.

– Другие дворяне вряд ли обрадуются, если ты приведешь с собой простолюдина.

Алла приподнимает изящные брови.

– Какая разница, что подумают другие? – Ее ответ в моем духе, черт, мне нравится ее ответ! Но отмазаться все равно надо.

– А что подумаешь ты, узнав, что я больше не владею живой? – внимательно смотрю в ее черные глянцевые, как бок дорогого суперкара, глаза. – Возможно, меня сегодня-завтра лишат стипендии и выторнут отсюда.

Княжна лишь пожимает тонкими плечами.

– Не выторнут, – уверенно заявляет. – Разве лев без гривы уже не лев?

Так, на мою «ущербность» ей плевать. Мило? Безусловно. Но пирог чужим быть не перестал.

– Хм, что за тусовка?

– Обычная: спарринги, музыка, коктейли, бассейн.

– Извини, не выношу много народу…

– Мы сбежим, – тут же вставляет слово и хватает меня за руку. – Только отметимся у подруг и уйдем веселиться вдвоем. Меня же ты выносишь?

– Уже вроде как минут десять, – киваю задумчиво. – Но что-то мне подсказывает, и тысячи минут так же незаметно пролетели бы.

Кусая губы, она прячет улыбку, смущенная донельзя. Но пальчики на моем запястье не разжимает. Я чувствую, как таю. Буквально в лужу растекаюсь.

Эх, Женя, сосед, прости. Борюсь изо всех сил, но проигрываю. Противник попался достойный – Градгроб в подметки не годится.

– Я подумаю, ладно? – отказать прямо этой нимфе невозможно. Значит, надо сменить поле битвы. Скажу «нет» потом, когда она не будет выглядеть настолько трогательной и манящей. Главное, чтобы такое время в принципе существовало.

– Ученица Настьева, – раздается строгий женский голос. – Демонстрировать отношения в лицее запрещено.

Алла тут же отпускает мою руку.

– Простите, куратор Элла.

Я оборачиваюсь: правда, она. Стройная, фигуристая женщина, далеко уже не школьница с их узкими бедрами – как раз в моем вкусе. Ведь сам-то я еще тот школьник. Только сейчас лицо Эллы пышет сдерживаемым гневом и ей… идеально идет!

– Бесонов! – грозно смотрит на меня, скривив губы. – Первый день в лицее и уже два предупреждения. Хочешь выговор?

– Куратор, я ничего не демонстрировал, – покаянно качаю головой. – Лишь поскользнулся, а княжна меня подхватила за руку и удержала на ногах. За что ей большое спасибо!

Чувствую, как Элла буквально меня взглядом прожигает. Может, я все-таки нравлюсь ей? А то реакция слишком бурная на пустяк – подумаешь, за ручки подержались.

– Не оступайся больше, Бесонов, – наконец процеживает куратор и широким шагом уходит.

– Что это с ней? – недоумевает княжна.

Пожимаю плечами. Любовь, надеюсь.

Глава 6

Проверка на простолюдимость

Алла подпрыгивает на кровати и оглядывается. Безумно вертит головой. Холодный пот щиплет кожу под ночнушкой. Сердце колотится у самого горла. Но никто не жмет ее сзади, нет давящих сильных рук. Вокруг лишь мрак и свет луны.

Сон, опять этот сон…

Со стоном падает обратно. Пытается успокоить дыхание, разминая плечо – резко дернула им во сне, теперь болит. Ничего, скоро все кончится. Скоро она отомстит за свой позор. Бесонов почти в ее руках!

– Княжна, – отрывает голову от подушки Кара, ее соседка по комнате. – Давно у вас не было кошмара. Это все из-за того немощного! Не стоило с ним гулять, только вдохновились зря.

– Артем не немощный.

– Как угодно, – недовольно бурчит. – Но почему этот простолюдин? Почему не Аксюк? Богатые родовые земли. Древняя баронская кровь. Да и сам Женя бы за вас горы свернул!

Кара сама из нетитулованных мелкопоместных дворян со Смоленщины, но гонору иногда столько, будто из графов или князей происходит.

– Женьке не одолеть Буйного, – вздыхает Алла. – Мне с ним хорошо, но он слишком мягкий, а мне нужен защитник.

– И какой же защитник из убогого?

– Прекрати, – достает подушку из-под себя и швыряет в надоедливую. – Артем – чемпион, какой бы он ни был крови.

Не помогает.

– Княжна, одумайся! Вы только еще больше портите себе репутацию, гуляя с ним. При поступлении на медосмотре проверили его энергоцентры. Они пусты. Исток, зарод, живот, лада и остальные. Все!

– Откуда ты прознала? – вздыхает Алла.

– Дагер прознал, он сбросил информацию в наш – тот, что для благородных – чат. Посмотрите сами. Теперь весь поток ставки делает, когда его выгонят. Заметьте, не выгонят ли в принципе – а когда!

– Что ж, тогда поставь и за меня. Скажем, тысячу рублей, – княжна задумчиво изучает темные пятна на луне.

Самой ей не хотелось заглядывать в этот гадюшник. Меньше грязи прилипнет. Она прекрасно представляла, с каким ехидством так называемые благородные особы перемывают кости бедному Артему.

– На какой срок?

– На «никогда».

– Княжна, – тяжко вздыхает. – Вы и так держитесь обособленно. Не усугубляйте. Вас не поймут.

– Поставь, – с нажимом.

– Ладно, но будьте готовы к…

– К насмешкам за спиной? Давно готова.

Над ней и так смеются. Тот день на арене, когда второкурсник Буйный унизил ее, намертво вкраплен в Аллину память. Год – это произошло целый год назад, в средней школе при лицее, но неважно. Это не судейские разбирательства, срока давности у растоптанной чести нет. Только кровь смоет позор, только сокрушительная победа в честь ее порядочного имени.

* * *

Итак, второй день в лицее. Я сижу в классе и слушаю учителя корейского. Говорит он почти весь урок не на нашем, но мне все понятно. К счастью, меня закинуло на курс с языковым уклоном, а не в сторону экономики или естественных наук. Тогда бы был полный абзац. Среднюю школу-то я не закончил, в отличие от Бесенка, с двенадцати лет занимался только рубкой демонических голов. А с языками уж прорвусь. Меня по Страшному миру потаскало знатно, пока выслеживал Высших. Бывал и в Корее полгода, так что на их калякаю, хоть с грамматикой и не очень.

На перемене со стола девушки справа падает ручка. Она катится по полу к самой доске.

– Какая жалость, – красноволосая красотка переводит взгляд на меня. – Артем, кажется? Не поможешь?

Все одноклассники как по команде оборачиваются к нам. Класс замирает. Я же смотрю на девушку. Приятная загорелая кожа, изящная линия плеч, обтянутые школьной блузкой крепкие груди второго размера. Худые ноги в черных колготках кажутся бесконечно длинными, но у меня терпения очень много, не раз сидел долгие утомительные часы в засадах, высиживая мразей-тираназов, так что не ленюсь и прослеживаю взглядом ножки почти до самого конца – от щиколоток до места, где под юбкой соединяются в промежности. Девушку мое наглое внимание нисколько не смущает. Осанка, поза, жесты не меняются – вот что значит аристократия.

– Ты не туда смотришь, – изгибает брови она. – Ручка в другой стороне.

– Именно, – соглашаюсь. – В другой – это в противоположной от меня. Почему не попросишь ребят у доски?

Там как раз стоит группа учеников и разглядывает возникшую ситуацию. Неподалеку застыли и бывшие члены команды Бесенка – блонд и зеленоволосый. Остальные из команды Артема тоже поступили в лицей, но их зачислили в параллельные классы.

– Но ведь ты же простолюдин, – «красная» хлопает ресницами. – Тебе нужно учиться прислуживать знатным. Такова твоя обязанность. Вот и тренируйся.

– Ясно, – задумываюсь. – Скажи, а знатных в свою очередь не учат самостоятельности?

Красотка недовольно сопит, ее глаза прищуриваются.

Понимаю, конечно. Сейчас идет первый тест-драйв крепости моих яиц. Будут и еще проверки на вшивость, но уж здесь прогибаться – себя не уважать. Что мне грозит? «Красная» вызовет меня на ринг? Возможно, она даже Воин, но вряд ли захочет из-за ручки заморачиваться. Хотя, может, захочет, да и плевать. Рано или поздно все равно кто-нибудь вызовет – надо ведь калеку-плебея на место поставить. А судя по репликам Стаса, мое место у ног местной знати.

Испытания в чужие братства мне не впервой проходить. Однажды чуть ли не пришлось работать совместно с бандой охотников за демонами. Те еще головорезы, и не вынуди ситуация, никогда бы к ним не пошел. Но только они знали, где спрятаны гнезда с яйцами ксинусов. Десятки тысяч, нет, сотни тысяч невылупившихся тварей. Их рождение грозило миру новым сотрясением. Не факт, что человечество пережило бы его. Не мог я понадеяться, что бандюганы сами справятся, и подал к ним заявку на членство. Испытаний было несколько: дуэль на ножах, принести голову носоргиуса, сожрать похлебку из дурманящей дряни и не сдохнуть. В конце же мне велели убить ребенка – человеческого. Вот тут я уже не выдержал. Как итог – от моей руки пала вся банда, а главарь долго терпел пытки, пока не выдал полное описание местности с гнездовьями. Яйца уничтожать я пошел в одиночку. Все-таки не компанейским оказался я парнем.

– У меня спина затекла, – хмыкает «красная». – Такой ответ тебя устроит?

– Устроит, – кончиками губ улыбаюсь я.

– Значит, поможешь? – насмешка пляшет в больших глазах.

– Так и быть.

Встаю и быстрыми шагами приближаюсь к девушке. Оказываюсь сзади. Мои руки опускаются ей на плечи, легко сжимают, чувствую, как она вздрагивает.

– Ты что творишь? – шокированная, она открывает рот.

– Помогаю, – спокойным тоном отвечаю. – Как ты сказала, учусь прислуживать знатным. Так лучше? Спине легче?

Мои руки мнут ее плечи, спускаются ниже, разглаживают скопления напряженных мышц.

– Оборзел, Бесонов? – тихо выдыхает девушка, кося взглядом на застывших учеников.

Пощипываю зону возле талии. Она отшатывается. Уверенным движением одной руки наклоняю ее обратно.

– Не дергайся и расслабься, а то толку не будет, – не обращаю я внимания на резко возникшую вокруг тишину.

Кто-то из одноклассников протирает глаза, кто-то челюсть роняет на пол. Один толстяк вообще краснеет от возбуждения – видимо, представляет себя на моем месте.

– Новенький с ума сошел? – полушепотом спрашивает парень у доски.

– Однозначно. Мнет Журавлеву, как какую-то крестьянку на сеновале… Она его размажет.

– Прощай, дегенерат.

– Ну что же, пистец котенку.

– Надо срочно поменять ставку: после раздачи от Журавлевых он сам отчислится уже на этой неделе. Если выживет.

Мои пальцы скользят вдоль позвоночника. Нежно поглаживая «красную» под лопатками, говорю:

– Вроде бы убрал очаги возможной боли. Как ощущения? Норм?

– Ага, – едва слышное.

Заглядываю ей в лицо. Теперь «красная» в самом деле красная. Щеки пунцовые, прямо как каскад длинных волос. Приоткрытые розовые губы медленно вдыхают и выдыхают – пытается взять скбя в руки.

Я вижу: она в растерянности. Вроде как сама заявила, что в спину вступило. Бить простолюдина за помощь будет противоречить ее словам. У благородных ведь слово не воробей, принято отвечать за ложь кровью. И хоть сейчас не тот случай, впитывается этот постулат вместе с молоком матери. Сложно противиться привычному укладу жизни.

– Вот и славно, – поглаживаю девушку по плечу. – Теперь сама и ручку сможешь поднять. А снова если вступит – не стесняйся, обращайся. Помогу. Как ты сказала, ведь такова моя обязанность.

– Спасибо, – поджимает губы девушка, пытаясь придать произошедшему эксцессу обличье моего любезного услужения.

– Надеюсь, качество сервиса тебя устроило, – киваю я.

На этом разворачиваюсь и выхожу из класса.

Глава 7

Ещё один привет из Страшного мира

По дороге в класс английского меня догоняют блондин и зеленоволосый, члены старой команды Бесенка.

– Тём, постой, – кладет руку мне на плечо «зеленый». – Ну ты жару дал там, с Журавлевой. Будь поосторожней со знатными. Они же как пороховая бочка, только искру пусти – вспыхнут.

– Кир… – вздыхаю. Сказал и жду. Вроде его Кирилл зовут, не напутал же? Судя по ожидающему лицу «зеленого» – порядок. Продолжаю: – Атомная бомба пострашнее будет.

– Это-то ты бомба? – сомнительно смотрит Кирилл.

Ухмыляюсь – а кто же еще? Самый настоящий тактический ядерный заряд для поражения крупных целей навроде десятиэтажного Червя Аба или скопления противников поменьше, как бешеных стай тираназов. Правда, с выключенным детонатором, но это временно. Фракталы убитых мной Высших все до единого втиснуты в мое астральное тело, просто пока разобраны. Ничего, верну «Громовые когти», и местные Кметы с Воинами станут не грознее котят. Про Воевод, Рыкарей и Абсолютов еще не знаю. В интернете слишком туманные и мистические описания их сил. Не разобрать, где правда, а где материал для «Рен ТВ».

Блонд хрипло смеется. А он вроде Миша, да, точно – Миха. Голос как медвежий рык.

– Узнаю Бесенка, – хрипит он, потирая друг о друга ладони. – Значит, ты вернешься в команду?

Э-э-э… Блин, не подумал: какой солдат не захочет приобрести крутое оружие. А эти парни как раз в солдатиков и играют на своих Военных играх.

– Не, парни, – стараюсь выглядеть грустным. – Живы тю-тю, энергоцентры тупо ее игнорят. Врачи дали вердикт: нефиг надеяться.

– Но если бы ты втянулся в тренировки… – Надежда вспыхивает в глазах Кирилла. – Адреналин, стресс… может, сработают, как катализатор?

Мне совестно. Черт, любят эти парни Бесенка, вижу – как родного брата любят. По-честному им не скажешь, что после английского собираюсь в холл – вписать себя в список поступающих в джазовый клуб. Простите, пацаны, – но навоевался. Ком из сражений дерет глотку. Хватит.

– Или, скорее, покалечусь – без ментального доспеха-то.

– Прости, не подумал, – тут же сникает Кирилл.

– Будем надеяться на лучшее, – мычит Миха. – Что жива вернется. И похрен на врачей.

– Похрен на врачей, – поддерживает Кир.

Тоже повторяю, чтобы не выбиваться из образа. Доходим до класса как раз к звонку.

На уроке опять заглядываюсь на красивых одноклассниц. Нежные полудетские лица и уже вполне созревшие тела в форменных пиджачках, белых блузках и синих юбках. Я все больше убеждаюсь, что попал в рай.

– Artem, how do you like our liceum? – от раздумий меня отвлекает учитель.

– Good, I’ve met some wonderful people! – бегло отвечаю, не отрывая взгляда от Журавлевой Виктории.

Моментально ее щеки вспыхивают. Да-да, ты моя wonderful, крошка.

Другие одноклассники-дворяне надменно оглядывают меня. Ощущение, что я им как кость поперек горла. Ну да, ну да. Простолюдин не должен шпрехать на инглише. Простолюдин должен только экать через слово и рыгать за столом.

Сегодня в интернете я рылся до ночи – пытался понять, откуда у этой дедовщины растут ноги. Вообще местный порядок мироустройства вполне логичен. Я о том, что дворяне находятся на самом верху пищевой цепочки этого мира. Основная военная сила здешних держав – владельцы живы. И как раз в Российской империи самые мощные бойцы саммо – все эти Воеводы и Рыкари –

из дворян. Это на уровне Ученика и Воина талантливые простолюдины вроде команд Бесенка и Оли-Кали еще могут показать себя и уделать дворян. С возрастом пробиться сложнее. По трем причинам: секретные семейные медитации, тайные техники и родовой геном. Без постоянных духовных практик уже не достичь Кмета.

Но даже если простолюдин прорвется, Кметпростолюдин и Кмет-дворянин – как земля и небо. На уровнях Ученик-Воин узкий диапазон возможностей. Что там? Стандартный для всех стилей ментальный доспех. Усиление живой ударов, толчков, захватов. Ускорение туда же. Еще – всякие телекинетические атаки, как «воздушный кулак» или «энергетическая рука». Короче, за исключением телекинеза сплошная физуха. Маневренность манипуляции живой низкая: либо вкачивай ее в защиту, либо в нападение. Любой упертый добьется результатов. Вот трудяги простолюдины и показывают кузькину мать неженкам из знати. Вот Бесенок и выстрелил в чемпионы на всероссийском, а Кали урвала бронзу на региональном.

С Кмета же начинается тонкое управление живой. Возможны всякие джедайские штучки вроде огненных вихрей, взрывов и замораживаний. И каждый древний род имеет в загашнике тайные техники, которые самого гениального простолюдина отправят в аут. А еще не забываем про родовой геном – способности, передающиеся по наследству через генетический код внутри родов. Короче, набор совершенного солдата.

Незаметно наступает перемена. Как чувствуя, звонит в кармане мобильник. Прикладываю к уху.

– Алло.

– Бесонов? – звучит знакомый голос.

– Это я, Оля.

– Как ты узнал меня?

Ох, Кали, тут как в песне: я узнаю тебя из тысячи по словам, по глазам и по голосу. Сантименты ни при чем, долго просто бок о бок терлись в тех же самых пещерах кротосов.

– Откуда у тебя мой номер? – вместо ответа.

– Ну-у-у, – мнется. Неужели зацепил? Еху-у, если так. – Сестренку твою встретила случайно. Спросила заодно.

Кстати, Лену больше не достает та блондинистая Катя. Видимо, побитый брат-мажор здорово впечатлил ее, и у девчонки включился инстинкт самосохранения.

– У меня скоро урок, – смотрю на часы на стене. – Чего хотела?

– Бесонов… – пауза. – Будешь гулять в выходные?

Все-таки «еху», да как-то не так. Или я просто ничего не понимаю в девушках, ибо опыта у меня немного. Но тон, будто назначает в наряд.

– Оля, когда зовёшь парня на свидание, надо его по имени называть, а не фамильничать.

– Слушай, Бесонов! – тут же взбрыкивает она. – Мне и так это нелегко далось. Говори быстро – да или нет?

– Прошу прощения, – ледяным тоном, потому что хочется послать очень далеко. – Может, не так тебя понял? Может, ты меня зовешь, чтобы снова подраться? Тогда сорри – у меня есть дела поважнее.

– Нет! Не подраться! – вздыхает тяжко. – Давай погуляем вместе… Артем.

Так намного лучше.

– В субботу устроит?

– Да, пойдет.

– Договорились. И, Оля…

– Да?..

– Не рассчитывай, что снова тебя поцелую. Это надо заслужить.

Тут же отстраняю трубку от уха, чтобы не оглохнуть от крика:

– Бесонов! Да кем ты себя возомнил? Ах ты!..

– Извини – бежать надо, – торопливо вставляю между ее слов. – Позже договорим.

Сбрасываю вызов. Тут же срываюсь в холл, в запасе еще минут десять большой перемены. Проталкиваюсь сквозь толпу к доске с приколотыми листками клубов. Но на полпути останавливаюсь. Точнее меня останавливает новый привет из Страшного мира.

Мороз пробегает по коже. Лицо этой девушки я изучил досконально и в то же время никогда не видел ее вживую.

Статная, с копной белоснежных как снег волос, спускающихся до упругой попки. Свита щебечущих девушек окружает ее, каждая пытается обратить на себя взгляд ее янтарных глаз. Я вижу – эти глаза необычные, удивительные. Черные блестящие зрачки имеют форму полумесяцев. Странные узоры – отпечаток родового генома.

Помню ее имя – Светлана Бородова. Сейчас девушка улыбается краешками губ подругам. Иногда благосклонно опускает ресницы на чье-то высказывание. Она здесь королева. Все это знают, и даже я чувствую. А потом до меня доходит. Хочется хлопнуть себя по лбу.

Светлана Бородова. Явно дочь или внучка князя Александра Бородова, чьим именем назван лицей. Ну, все ясно. Даже это королевство носит ее имя.

Меня это не касается, но мне хочется просто стоять и любоваться точеным бледным лицом. А еще стройным телом с крутыми бедрами. Не знал, что она вырастет в такую красавицу. Помню ее еще ребенком.

Она ощущает мой пристальный взгляд. Слегка наклоняет голову в мою сторону. В ее волшебных глазах вопрос.

Вдруг слышу за спиной:

– Куда ты пялишься, простолюдин?

Ну вот, похоже, подкатила еще одна проверка на вшивость.

Глава 8

Вызов

Мигом оказываюсь в кольце пятерых парней. Один из них – тот самый, что свежим мясом меня вчера обзывал. Явно подготовленная засада. Сейчас будут тушить скопом.

– Я не слышу ответа? – взбрыкивает любитель свежатины. – Оглох?

– Все видели. На княжну Бородову лупы выпучил. Ей неловко было.

– Да как ты смеешь? Совсем оборзел?

Скучающе вожу глазами по надменным лицам придурков.

– Молчит подонок, – цедит сквозь зубы самый широкоплечий.

– Похоже, тут наглядный представитель вида Простолюдин зазнавшийся, – острит конопатый. – Ну скажи нам на милость – возомнил себя выше столбовых дворян?

– Приходится, – вздыхаю. – На дне-то все места заняты.

Пара парней справа угрожающе стискивают кулаки. Ко мне почти вплотную подходит самый широкоплечий. Едва не тычется носом в щеку.

– Умный, смотрю, – рычит. – А слабо себя на ринге показать?

С трудом сдерживаюсь. Так и хочется откинуть голову и разбить лбом его задранный шнобель. Только эта ребятня и ждет, что первым проявлю агрессию. Тогда смогут не сдерживаться, а меня еще вдобавок и отчислят. Фигушки, козлы.

– Вообще ум обычно не кулаками доказывают, – смотрю ему в глаза. – Но согласен, некоторые дебилы по-другому не понимают доводы.

– Рот закрой, – он поднимает руку и пытается хлопнуть меня по лицу.

Хватаю в воздухе его пальцы и выворачиваю наизнанку.

– У-а-а, – скулит юноша.

За миг до того как сломать фаланги, кидаю парню в лицо его собственную руку. Ладонь шлепает по губам.

– Кажется, это твое.

Он отшатывается и вертит ошалелыми глазами. Я вскидываю кулаки к лицу. Еще миг – и на меня кинутся его друзья.

Ледяной голос откуда-то из-за их спин остужает всех мигом:

– В честь чего столпотворение?

Кольцо мгновенно разрывается. Моим глазам открывается строгое лицо Светланы Бородовой. Она надвигается во главе треугольника девушек. Все члены свиты как на подбор – стильные, изящные, с соблазнительными фигурами. Средоточие стольких шикарных форм в одном месте заставляет меня сглотнуть.

– Княжна, – осаждающие меня парни скопом приветствуют Белоснежку. Их глаза блестят от щенячьей радости. Потом все поворачиваются в мою сторону с вопросом в глазах: мол, чего молчу, и я медленно киваю.

– Светлана.

Широкоплечий тихо шипит сквозь стиснутые зубы:

– Пролетариат долбаный.

Не обращая внимания, девушка глядит на меня.

– Мы знакомы? – ее волшебные золотые глаза слегка прищуриваются.

– К сожалению, не довелось. Разве что мы как-то пересеклись на одном чемпионате, – озабоченно опускаю взгляд на ее туфли. – Осторожно, не поскользнитесь – здесь желчи немерено натекло.

Бледно-красные губы княжны трогает едва заметная улыбка. Она ничего не говорит, будто ожидает. Правда, пора и представиться.

– Артем Бесонов. Но местные зовут меня Простолюдин.

– Не беспокойтесь, княжна, – вставляет конопатый. – Скоро мы поучим его манерам.

– Как именно? – Светлана даже не смотрит на него. Равнодушный взгляд скользит по моему лицу. Прямо как недавно мой бегал по ее невозмутимой маске. И с чего бы? Возвращает ответочку?

– Поединок… – Конопатый нагло ухмыляется мне в лицо. Мол, теперь не отвертишься – все слышали, стремно будет.

– А ты принял вызов? – вопрос ко мне.

– Ага, – пожимаю плечами.

– Ты можешь отказаться, – замечает она. – Все в курсе о твоей временной недееспособности.

Прямо все-все? Ничего себе здесь сарафанное радио. Но после обвинения в инвалидности отказываться нельзя. И уверен, она понимает. Только зачем специально подводит к драке?

– Так я уже местная звезда? – ухмыляюсь. – Значит, нельзя оставить вас без концерта.

Девушка мерит меня взглядом. И вдруг она подкладывает мне жирную свинью:

– Со всеми пятью?

– Чего? – Выпучиваю глаза. Нет, малышка, правда, ты чего?

Теперь она смотрит только на конопатого:

– Вы же все по очереди собрались с ним спарринговаться?

– Э-э-э… да? – парень сам в шоке и словно просит подсказку, как ему ответить.

– Хорошо, приятного боя, – Светлана резко отворачивается и уходит. Ее белые волосы колыхаются, как плотный занавес бушующей метели.

На лице конопатого улыбка до ушей.

– После уроков – клуб войстези, люмпен. Приходи, если не трус.

Вот же подстава! Впечатление, что я в молодежный сериал попал. Почему тут не учатся ленивые мажоры? Целая школа спортсменов и рукопашников, и уже пятеро саммистов меня на ринг вызвали.

На следующих уроках я серьезно задумываюсь. Не знаю, какой резон у Светланы подставлять новенького. Может, тоже не терпит простолюдинов? Или лично я так взбесил. Еще ее вроде бы Бесенок на всероссийском сделал. Хм, по

замороженному лицу не поймешь.

Откуда знаю Светлану? Да ниоткуда. Однажды в Страшном мире ее брат, демоник Шприц, помог мне заманить на обрыв стадо борвасов. Это тупые, медлительные твари, хлюпающие отвисшими ушами. Симпатичными рожами и блистательным умом напоминают зомбаков из ужастиков, которые на предпоследней стадии гниения, когда руки и ноги еще не отвалились. Так вот загнали мы демонов на вершину утеса и давай скидывать эту рычащую-мычащую-чавкающую толпу в ревущие воды внизу. От каждого нашего удара рвалась дряхлая коричневая плоть, брызгали фонтаны крови, будто долбили топорами коровьи туши без шкур.

Кружилась поднятая пыль, выли твари, кипела река, утапливая сброшенных демонов. Как раз шли паводки, талые снега придали сил течению. У захлебывающихся демонов не было и шанса против ревущего потока. Я еще тогда не обзавелся «Громовыми когтями» – пока что не замочил Генерала Швара. Вот и пришлось заняться полезным физическим трудом. Брал больше, кидал дальше этих борвасов.

Помню: когда от моего удара наотмашь распрощалась с телом очередная брызгающая зелеными слюнями голова, другая тварь зацепила Шприца. Прошлась когтями по его куртке, точно по нагрудному карману. А там как раз лежала фотография его сестренки-малышки. Еще перед всей этой пестрой вопящей кучей Шприц доставал блеклую картинку. Вдохновлялся личиком сестры на грязную работу. Мельком и я глянул на розовые щечки и белоснежные, как у брата, волосы. Даже позавидовал – у меня-то не осталось фото ни сестры, ни родителей. Не успел забрать из разрушенного дома.

Когти самого Шприца даже не задели, но карман вместе с фотографией вырвали. А тварь летела уже с обрыва – Шприц на инстинкте выпнул тушу. Ну, я и сиганул за ней в реку. Не думая, не размышляя.

Еще в полете перехватил сжатую когтистую лапу, дернул со всей силы, вырвав сустав из плеча. На глаза попали брызги горячей крови. Плюх! Водоворот из кипящей пены и орущих борвасов принял меня шумным плеском. Повсюду белые гребни, вытянутые в крике чудовищные рты, бешено дергающиеся конечности. Я едва не захлебнулся, одной рукой одновременно отбиваясь и плывя. Держа оторванную лапу над головой, пытался вырваться из речного капкана. За десять бешеных гребков удалось.

Дождался Шприца, растянувшись на берегу. Пока обсыхал, думал: как он рад будет – как-никак фото сестры уберег. Но нет, не угадал: мне с претензиями выступили, что, видите ли, я его бросил разбираться с остатком стада. Я ему в ответ листок показал – мятый, с брызгами крови и с оборванными краями, но целый. Его не впечатлило – достал одну из походных сумок, что мы в кустах оставили. Откопал среди консервов и шмоток толстенький фотоальбомчик и помахал перед моим носом. Там и мама с папой, и сестренка с плюшевым мишкой, и собака с кошкой. Оказывается, фотографии ему передают родители. В отличие от моих родных, его семья выжила и постоянно шлет из лагеря выживших снимки себя радостных и живых. Короче, Шприц меня даже предателем обозвал. Как… но вот как? Тьфу, до сих пор бесит. Плюнул я тогда на Шприца и фото ему не вернул. Так и прошел весь путь демоника с детским лицом Светланы в кармане сумки. До самого Эразина донес. Берег до последнего мятый глянцевый листик с беловолосой девочкой, правда, что толку-то? Лава наверняка его сожгла.

Последний звонок. Встаю из-за парты и натыкаюсь на вытянутые поперек прохода ноги Журавлевой. М-м-м… едва не облизываюсь на эти овальные икры, обтянутые капроном.

– Массаж ножек? – предлагаю.

– Что? – хлопает ресницами красноволосая Виктория, затем тут же убирает ноги под парту. – Не надо! Спасибо!

– Не за что, – улыбаюсь я. – Хорошего вечера.

– И тебе, – она вдруг приподнимается, словно что-то вспомнив. – Это у тебя же сегодня бой?

– Бои, если точнее, – любуюсь ее оторвавшейся от стула упругой попой. – А ты случайно не знаешь с кем?

– Как это с кем? – округляет она большие глазки.

– Интересны их учебный курс и уровни в саммо, имена не так важны, – вздыхаю. – Мне они просто не представились. Совсем невоспитанные парни.

– Все на первом курсе, Ученики, – задумчиво перебирает Вика красную прядь. – Хотя нет: один вроде Воин уже.

– Конопатый? – предполагаю.

– Да, Сергей из Борнов.

– Спасибо, – застываю на полушаге. – Придешь посмотреть?

Она вздергивает подбородок чуть не до потолка.

– С чего бы? У меня плотное расписание.

– Да, конечно, – не спорю. А то еще вспомнит массаж утренний и тоже решит наехать. Шестого поединщика вдобавок мне сегодня не надо.

В кабинет врывается девушка с большими раскосыми глазами и рыжей копной волос. Сама тяжело дышит, грудь первого размера ходит волнами под блузкой.

– Виктория, идешь? – пыхтит она, как ежик. – Маргарита заняла нам места у канатов. Давай быстрее, а то все пропустим. Новенького уже наверное бьют… Ой!

Она замечает меня и мигом краснеет. Журавлева тоже пунцовая, но сама сидит прямая как сосенка, подбородок не опустила, глаза сверкают. Гордая, страшно гордая. Обожаю таких!

– Еще нет, пока не бьют, – ухмыляюсь я рыженькой и гляжу на Журавлеву. – А вы тоже делали ставки?

– Ставки? – хлопают обе глазами. В дурочек, что ли, играют? Уверен, все благородные на курсе уже внесли свою лепту в тотализатор, ну или хотя бы слышали о нем.

– Краем уха уловил, как ученики ставили, когда я вылечу из лицея, – задумываюсь. – Виктория, поспорим, что твоя ставка обломится?

– Ты так уверен, что я участвую в этом? – изгибает она брови.

– Ага, – провокационно. – Или поспорим на то, что ты не ставила?

Виктория хмыкает и отворачивается. Нарочито медленно собирает в сумку тетрадку и ручки.

– Если проиграю – прилюдно унижусь напоследок.

Она тут же оборачивается. Глаза горят задором.

– Как унизишься?

– Как угодно, – пожимаю плечами. – Хоть ручку с пола подниму.

– Это не унижение, – быстро вставляет она. – Это услужение. Не каждый простолюдин достоин.

– Как скажешь, – закатываю глаза. Ох, уж эти барские замашки. – Выбери сама.

– Н-у-у, – вдруг облизывает губы. – Поцелуешь мне подошвы туфель. Прилюдно.

– Вика? – ошеломленно восклицает подруга.

Виктория краснеет еще гуще.

– Он заслужил, Таня! – оправдывается. – Ты с ним не учишься и не знаешь, какой он!

– Ладно. – Мне терять нечего. Проигрывать все равно не собираюсь. – Тогда если не вылечу, сделаешь мне массаж.

– При всех не буду, – заявляет Вика.

– Что ты, госпожа, я не настолько безжалостен, – скромно опускаю взгляд. – В моей комнате. Но за анонимность массаж будет всего тела.

– Не соглашайся, – рыжая машет рукой. – В комнату простолюдина идти… Слухи пойдут! Не отмоешься. А твоя ставка уже на завтр…

Резко замолкает, но самое интересное уже сболтнула. Завтра кончается поставленный ею срок? Ух, получается, мне надо всего два дня продержаться – и эти нежные тонкие руки пройдутся по моей коже. От предвкушения уже свербит в груди. Гормональный взрыв на ночь обеспечен.

– Сегодня он дерется с четырьмя Учениками и Воином, – отмахивается Журавлева. – Если не на своих двоих – его «скорая» вывезет.

Тяну быстро руку, пока железо горячо.

– Так договорились?

– Да, – решается она.

Ее длинные пальцы оплетают мои. Скоро я их почувствую не только на ладони. Уже сейчас фантазии бурлят в голове. Как наяву представляю весь приятный процесс. Ласковые касания рук, трепет свисающих надо мной распущенных красных волос, вид широко расставленных длинных ножек без колготок, да, уговорю ее снять эти капроновые чехлы, а может, и не только их… Ох, надо попридержать воображение, не хватало ещё кончить по дороге к клубу саммо. В мокрых хлюпающих штанах драться совсем не комильфо.

Глава 9

Файтинг

Вместе с девушками выходим из корпуса. Сам не просился с ними, это Вика сама после рукопожатия как-то просто сказала:

– Ну что, идем?

И смотрела при этом только на меня, даже не слушая ответ Тани.

– Ага, – закинув сумку на плечо, вытянул приглашающе ладонь в сторону коридора. – Дамы вперед.

– Секундная заминка тебя не спасет, – хмыкнула Журавлева и, выпрямив спину, гордой походкой аристократки поплыла вперед. А потом в коридоре замедлилась, ожидая меня. Рыжая Таня тихо офигевала.

На подходе к боевым клубам меня вылавливает Женя Аксюк. Сосед явно рассержен.

– До меня дошли интересные слухи, – едва не рычит.

Вытягиваю ладонь, останавливая его. Нечего сцены прилюдно устраивать. Опять слухи поползут – мне-то пофиг, но они точно будут касаться Аллы.

– Идите без меня, – киваю девушкам. – Не бойтесь, ваши «билеты» не пропадут. Сбегать не собираюсь.

С любопытством глянув на моего соседа, Вика с Таней уходят по песчаной тропинке.

– Если ты про то, что я гулял с Аллой, так мы всего лишь прошлись по парковой зоне. На нее не претендую.

– Гляньте, какой щедрый простолюдин, – мычит он. – Даже не претендует на руку какой-то всего-навсего светлейшей княжны!

Да какого черта он сейчас возмущается? Дебилизм настоящий.

– Так, чего тебе надо? – теряю терпение. – Пришел уговаривать меня встречаться с твоей возлюбленной? О'кей, договорились. Сегодня же позову княжну на свидание.

– Нет! – пугается тут же Женя. – Тебе нельзя с ней встречаться.

– Угу, – хочется его послать, но просто прохожу мимо.

Уже в спину слышу:

– Артем, дело не в моей ревности, – голос его ломается. – Хоть и ревную, но я бы и слова не сказал, будь ты хотя бы Воин. Алле нужен защитник! А тебя же самого сейчас изобьют!

– Да пошел ты, – все же не сдерживаюсь.

Прохожу под усыпанной цветочными гирляндами аркой в живой изгороди. Открываются корпуса клубов. По вывеске нахожу нужный – секция по саммо. Через два корпуса маячит красная крыша двухэтажного здания, на которое указывала Элла. Там секция по Военным играм, но мне не туда.

В этом мире соревнования по боевому искусству делятся на две категории. Первая – полевые Военные игры, в которых отличился Бесенок. Вторая – турнирная, когда участники один на один или командами бьются на арене. По правилам турнирного саммо чаще всего и решаются разборки между учениками лицея.

В спортивном зале полный аншлаг. Мой поток точно весь прибежал, старшие курсы будто тоже. В первых рядах Журавлева с подругами и Белоснежка-Светлана в окружении свиты. Надо же – сама королева пришла поглядеть на драку простолюдина. Предварительно захожу в раздевалку и переодеваюсь в спортивный костюм – футболку и шорты. Хорошо, что сегодня физкультура, а то пришлось бы в общежитие заглядывать за формой.

Выйдя обратно, оглядываю несколько арен, похожих на октагон. Народ кучкуется у ближайшей клетки. Иду к ней. Толпа передо мной охотно расступается. Пока поднимаюсь на настил, слышу крики:

– Он всерьез решил драться? Сумасшедший!

– Бесонов, ну ты чего такой смелый? Не надо тебе на арену – вали домой. У меня ставка на сегодня!

– Блин, у меня на вчера. Бесонов! Продержись еще полгода – пусть и остальные бабки потеряют.

– Полгода? Ха! Не смеши – его неотложка через час увезет.

За клеткой пятеро моих противников бросают монетку – кому первому драться. Выпадает удача широкоплечему кабанчику, что меня пролетариатом обзывал.

Судья – парень на вид не старше третьекурсника – командует:

– Боров, долго телишься, встань у сетки. Эй, княжна, спуститесь со ступеней! Санитарам мешать будете в случае необходимости первой помощи.

– Хорошо, если что – я запасной боец.

Оглядываюсь: Алла в футболке и коротких шортах стоит у выхода из октагона. Черные волосы стянуты в хвост, брови нахмурены, губы сжаты в тонкую линию. Обнаженные бедра сияют белизной, словно начищенный фарфор.

Тяжко вздыхаю. Ну что за феминистический мир! Неправильный мир! Девушки не должны заступаться за таких здоровых лосей, как я. И похрен на всякие уровни контроля живы.

– Княжна, мне не нужна помощь. С моей стороны один боец – я.

– Против пятерых? – она качает головой. – Не пойдет.

– Десять секунд подождите, – кидаю судье.

Выскакиваю за арену. Резко подхватываю черноокую красавицу под попу, поднимаю выше. Ойкнув и схватив меня за плечи, она растерянно смотрит на меня снизу. Хвост ее на секунду взлетает и касается моего лица.

Медленно несу ее прочь от арены. Оказавшись в плену моих рук, она не говорит ни слова. Ноздри ее слегка трепещут, словно вдыхает мой запах. В свою очередь аромат ее цветочных духов заставляет мое сердце биться чаще. Само собой наше дыхание находит одинаковый ритм.

Ученики вокруг смотрят, улыбаются, обсуждают – мне плевать. Нахожу Аксюка и вручаю ему драгоценную ношу. Медленно разжимаю руки. Спускаясь, Алла скользит по моему телу. Нежные ладони все еще на моих плечах, легонько касаются большими пальцами шеи. Отпускать не хочется, но пересиливаю – сжимаю ее за талию и разворачиваю лицом к болгару. Слегка подталкиваю.

– Держи свою женщину, – рычу я в гневе. Неужели он бы позволил Алле участвовать в этом мордобое? Хорош воздыхатель!

Женя стоит столбом, вытаращившись на меня. Меня бесит его растерянность. Мужчина не должен колебаться, когда на кону здоровье любимой женщины! Эмоции бурлят, внутри астрального тела вскипают многогранники Яка. Наружу вырывается бурный психический поток:

– ДЕРЖИ. ЕЕ.

Аксюк тут же хватает за плечи Аллу, его пальцы дрожат. Княжна отталкивает друга детства не глядя – она смотрит только на меня, не мигая. Словно завороженная.

– Я не его! – громко, а затем в несколько раз тише: – Я твоя…

С трудом тушу псих-волны разбуженного фрактала. Не сразу выходит.

– ТОГДА. СЛУШАЙСЯ. МОЕГО. СЛОВА. – Стоп, третий фрактал, хватит, назад. Перевожу дыхание. – Сейчас я дерусь один. Поняла?

– Да, – она уставилась в мои глаза, как в пасть удаву, и повторяет: – Поняла.

Делаю два вдоха, окончательно успокаиваясь. В полном молчании зала возвращаюсь на арену. Из зрителей кто-то тихо выдыхает:

– Твою мать, это что сейчас было?

– По всем признакам «Устрашение».... Ставку можно еще поменять?

– Поздняк метаться. Но не дергайся так – люмпен точно не Кмет. Его «колодцы» пустые – Дагер в чат скидывал скрины медсправок. Значит, показалось.

– Вить, хорошо же тебе показалось, раз твои губы так трясутся.

– Отстань!

Судья недовольно смотрит на меня – похоже, до арены псих-шторм не достал. Кабанчик вон тоже не выглядит обескураженным.

– Набегался? – судья.

– Ага.

– Хм… Бой длится, пока один из бойцов не сдастся или не потеряет сознание. Затем противник для тебя, Бесонов, сменяется на следующего. Всего у тебя пять боев, если вынесешь.

– Ага.

– Бой!

– Тебе крышка! – Кабанчик первым бросается с кулаками.

Уклоняюсь, заставляя пробежать парня три лишних шага вперед. Еще не обернувшись, Кабанчик пытается ударить меня наотмашь, но поздно – рука уже в захвате. Чувствую мощное сопротивление доспеха – сломать не выйдет. Тогда быстрое восходящее скручивание плеча, несильный толчок в спину, и голова Кабанчика вминается в сетку. Прутья мнутся, но ему хоть бы хны. Поднимается и бегает глазами по арене, пытаясь сориентироваться.

Пока не опомнился, хватаю за уши и дергаю назад. С громким шлепком он плюхается на спину. Тут же пытается вскочить – снова роняю подножкой. Метит кулаком – отвожу в сторону и, используя инерцию, подсобив пенделем, опять опрокидываю. Еще долго вожусь с ним в таком ритме. Ментальный доспех – крепкая штука. А кирпичей и бордюров под рукой нет. Но обычный Ученик не удержит доспех дольше получаса подряд. Нужна хоть секундная передышка.

Двадцать минут проходят в усталом пыхтении падающего и поднимающегося Кабанчика и недовольном бурчании зрителей.

– Какой неуловимый, прямо Гудини…

– Блин, простолюдин, конечно, держится молодцом, не спорю. Но когда же это кончится?

– Если он так с остальными четырьмя возиться станет, мы до старости тут сидеть будем.

– Нет, Сергей его сделает на раз. Фигня типа захватов с ним не прокатит. Воин ведь!

Наконец при новом удержании я чувствую, как сустав поддается. Снял доспех! Не медля ломаю.

– А-а-а! – бьется в истерике Кабанчик.

Пытаюсь помочь успокоиться хуком в челюсть. Ай! Костяшки больно бьются о вернувшуюся ментальную защиту. Ну ладно, так сойдет.

В итоге Кабанчик еще немного орет, ползая по настилу, пока судья не решает засчитать его нечленораздельные вопли за желание сдаться. Санитары мигом уносят проигравшего, и на арену выходит конопатый. Сергей, кажется.

Зрители сразу оживают:

– Ну вот и все.

– Скоро по домам.

Встав на середину арены, судья кричит:

– Бой!

В отличие от Кабанчика Конопатый не спешит приближаться. Легкая улыбка возникает на его пятнистом лице. Затем быстрый взмах руки, и меня скручивает пополам от удара под дых. Чувствую вкус металла на губах. Сгусток крови стекает на подбородок.

Как же так? Даже не уловил движения…

Сергей ухмыляется. Новый взмах руки – моя голова дергается от невидимого удара, и я валюсь на арену. В глазах темнеет, разбитые губы горят, сердце бешено стучит по сломанным ребрам.

– Надо же – еще в сознании, – Конопатый наконец подходит. – Ну что, поиграем по-серьезному?

Я хватаю его за голень, но сил не хватает выдернуть из-под ног парня настил. Мешают сломанные ребра.

– Все правильно, простолюдин, – язвит говнюк. – Ползай, извивайся, как червяк.

Второй ногой Сергей наступает мне на руку. Пальцы хрустят под пяткой, ломаясь, и отпускают засранца.

Пинок…

Мотнув головой, заваливаюсь на бок. Тут же перекатываюсь в сторону и встаю на четвереньки. Пытаюсь принять стойку.

Меня обуревает злость. Разрушенные фракталы Высших демонов гудят в голове. Что за хрень? Меня, демоника Перуна, запросто отдубасит гребаный школьник? ДА ЩАС!

На секунду закрываю глаза. В один миг пытаюсь собрать воедино многогранники самых небольших фракталов. Нет, не Генералов. Других Высших послабее – у них кодировка проще. Не думаю, не пытаюсь осмыслить свои действия. Чисто на интуиции налепливаю на горячий тетраэдр мерцающий октаэдр, к октаэдру – два невесомых додекаэдра. А сверху на этот геометрический ужас накидываю тяжелый куб. Выходит фрактал Гиба – живучего ящеродемона. До Генерала Эсклопа далеко, оторванную руку не приживет, но сломанные кости излечит. Уже чувствую, как пальцы оживают и послушно сжимаются в кулак. Ребра уже не хрустят при каждом вздохе. Заодно и ушибленные мышцы подлечиваются.

Следующим нагромождаю из фигур фрактал Жамбы. Здесь созерцательная способность – видеть всплески аура и движения прочей эфирной энергетики. В Страшном мире толку от нее как с дикой утки мяса. Но здесь, в мире, пропитанном потоками живы, ее полезность налицо.

Открываю глаза. Разминая шею, поднимаюсь.

Сергей с недоумением смотрит на меня:

– Какого беса! Ты как встал? – он подходит близко. – У тебя же все ребра переломаны!

Чувствую, как на губах расползается улыбка.

– Уверен? А ты пересчитай еще раз.

– Ах ты…

Я вскидываю руку и ловлю на лету бронебойный кулак. Доспех разламывает мои пальцы – кости и хрящи тут же схватываются обратно. Даже ойкнуть не успеваю.

Сергей в ужасе смотрит, как я останавливаю его атаку голой рукой.

– Без доспеха… как? – бормочет он.

Со злобным радостным оскалом отвожу его кулак в сторону. Приглядываюсь к его доспеху. Благодаря фракталу Жамбы теперь мне видны все потоки живы. Вот змейка энергии бежит, стекает, образует плотный основополагающий узел доспеха. Вот прямо над «колодцем» совсем истончается, и если сюда вдарить чем-то тонким, то возможно…

Сжимаю вместе средний и указательный пальцы. И со всей силы вколачиваю прямо в центр «колодца» под правой ключицей. Хруст. Адская боль, которая тут же сминается оздоравливающим зудом.

Доспех растворяется в воздухе, с кряком Сергей валится на колени. Его конопатое лицо бледнеет. Да, парень, теперь ты мой.

С доброй улыбкой я спрашиваю его мнения:

– Ну что, поиграем по-серьезному?

Глава 10

Бес

– Сдохни!

Отползая назад, Сергей швыряет телекинетическую атаку. Сгусток живы вспыхивает в воздухе – небольшой, размером с мяч для тенниса. Фрактал Жамбы улавливает молниеносное плетение энергии. Наклонив голову вбок, пропускаю удар мимо. За спиной гремит сломанная сетка. Раздается удивленный гул толпы.

– Бейте его! – орет своим дворяненок, вскакивая. – Все вместе!

– Эй, это против правил, – судья встает на пути рванувших в клетку парней. Но они просто огибают его.

– Пошел ты! – бегая от меня по арене, надрывается Сергей. – Мочите его!

– Да как ты смеешь?! – кричит судья.

– Не мешайте им, – раздается ледяной голос Светланы. – Пусть дерутся как им угодно.

– Но…

– Под мою ответственность.

– М-м… Хорошо.

Бли-ин, Снежная королева, за что? Тут явно что-то личное.

Наконец догоняю бегуна и пробиваю ногой в корпус, сбивая с ног. Тут же со всех сторон на меня накидываются трое противников в ментальных доспехах. Хе, наивные. Мне даже так проще – обилие твердой поверхности поможет их вырубить быстрее. Не нужно часами катать, как Кабанчика по мягкому настилу. Да и пальцы снова ломать не придется. Чертовски больно это, хоть и мигом сращиваются.

Парень с серьгой в ухе рвется ко мне первым. Успеваю отскочить в сторону, прикрывшись телом блондина. Противники врезаются друг в друга, спотыкаются. Пользуюсь заминкой – хватаю обоих за головы и сталкиваю лбами. Бамс! Еще раз – бамс!

Пока отбрасываю подальше поплывших парней, налетает с серией ударов третий. И это парень с крашенными в синий цвет волосами, бе-е. Отклоняя корпус и перебирая ногами, все время уворачиваюсь. Один из опрокинутых поднимается, пытается обойти слева, врезать мне в затылок. Но поздно – заскакиваю за спину синеволосому. Захват локтевым изгибом за шею, бросок – и синяя макушка втыкается в лицо еще не вставшему парню с серьгой. Оба валятся навзничь.

– Что за хрень! – блондин полон недовольства. – Как его достать?

– Держи его на месте, Гоша! – кричит Сергей с другого конца арены – наверное, он бы еще и дальше убежал, да сетка мешает. Я приподнимаю брови. Надо же,

еще не вырубился? Крепкий парень, хоть и трусоват.

С его стороны в меня летит какая-то мерцающая фигня. Ну, это только для меня она мерцает, так-то невидимая. Вижу, что плетение другое – не как у телекинеза. Но уклониться не выходит – блондин широкими размахами прижимает к самой сетке.

Вдруг глаза обволакивает мутная пелена. Голова кружится, верх и низ меняются местами. Полная дезориентация. Черт, о психических ловушках даже не подумал. Воин вполне может и такое.

Хватаю блондина за плечо – рука лишь щупает пустой воздух. Совсем не соображаю, кто где стоит. Кажется, что противник рядом, а он может и в метре зависать или на самом деле рядом, только с совсем другой стороны.

– Колотите быстро его! – слышу Сергея. – Пока псих-ловушка действует.

Все интереснее и интереснее. Блондин целится мне в челюсть – тут же дергаю голову в сторону. Ай! Не в ту сторону. Вскользь ментальная броня задевает лицо. Губы разбиваются, брызгает кровь. Чтобы не палить перед всеми учениками фрактал Гибы, усилием воли сдерживаю его. Регенерация тормозится, и я остаюсь с разукрашенным фейсом. Правда, блондину мало – судя по вздернутым кулакам, ему хочется видеть больше красок на моем лице. Больше красного. Чудом уворачиваюсь от нового взмаха, на ощупь нахожу его плечо, перехватываю за сустав. Дергаю вниз, а может и вверх, пойми их разбери. И в то же время подсекаю его опорную ногу. С громким стуком блонд врезается в так удачно подвернувшегося синеволосого. Оба улетают куда-то в потолок, очень похожий на напольный настил.

– Олухи, чего вы возитесь? Он же как слепой! – наставляет друзей Серега.

Шатаясь, как пьяный мастер, гуляю по арене, пытаясь найти Конопатого по его визгу.

– Назад-назад! – подсказывает мне Вика.

Послушно отступаю.

– Да нет, не вправо – назад!

Черт! Ну раз уже направо пошел, делаю пробный шаг в свое «вправо». Авось окажется ее «назад».

– Ты меня слышишь вообще? – недовольно. – Назад – это не прямо! Не быть тебе никогда моим водителем.

– Не больно и надо, – язвлю окровавленными губами.

Блин, а чего вообще так стараюсь? Ради выдуманной зажравшимися дворянами чести? Жизни людей – вот ради чего действительно стоит сражаться. Остальное – игрули. Да пошли они со своими поединками! Плюю на все и просто ступаю на потолок. Выйду из этой карусели через крышу, как нормальный Карлсон.

– Во-о-от. Можешь когда хочешь, – опять Вика. – Двигайся дальше так же.

Иду-иду, кажется, уже вечность, а вокруг кружится все та же сетка, местами мятая головой Кабанчика. Что за гребаный лабиринт? По шуму шагов определяю приближение двоих. Глаза говорят, что «серьга в ухе» и синеволосый в трех метрах. Уши – на расстоянии вытянутой руки. Решаю доверять ушам, провожу проход в ноги, валю одного, сверху кидаю другого. Пропускаю легкий джеб, оставляющий на щеке кровавую сечку. Снова торможу исцеление. Не забываю и про парней. Бросками колочу их друг о друга, пока доспех синеволосого не дает слабину. Хуком в подбородок отключаю его.

Почти следом «серьга в ухе» дает передых доспеху. Пользуюсь его «минутой чаепития» и пинаю по лицу. Не сдержал бы силу удара – мог бы и убить. А так всего лишь… сука! Носок прямо в сетку втыкается. А-а-а! Поломанный мизинец моментально восстанавливается. Быстро верчусь вокруг себя. Где ты валяешься, паршивец? Еще пару раз помахав вхолостую ногой, наконец, нахожу кочан «серьги». И вырубаю парня, благо доспех все еще вырублен.

Шагаем дальше. Чувствую себя дядей Борей, гуляющим по городу после пяти полторашек. В детстве еще удивлялся его танцующей походке, с которой он мог запросто пройти по скоростной автостраде икая и никого не сбить, то есть самим не быть сбитым. Кстати, в этом мире он тоже наверняка есть. Надо

проведать.

Что-то нигде не наблюдается блондин. Может, сбежал? Счастливчик – я-то даже не знаю, где отсюда выход. Все вращается как в бешеной карусели. Ой, да вот же блонд – хожу по нему, а он даже ухом не ведет. Хорошенько пригрело, значит.

Вау! Головокружение резко проходит. И прямо перед глазами трясется Сергей. Вопрос: от страха или от возбуждения битвой?

– Какая счастливая встреча! – потираю руки.

– Я сдаюсь! Сдаюсь! – Хм, а я еще сомневался в причине.

– Не верю – доспех сними.

Колеблется, но послушно убирает ментальную броню. Ну и дурак. Удар ногой с разворота, и хваленый Воин, щелкнув выбитой нижней челюстью, валится без сознания.

– Нарушение правил, – просыпается судья. – Противник сдался. Победа не засчитывается.

За меня яростным гулом вступается весь спортивный зал:

– Молчал бы, подстилка Белоснежки! Пустил четверых на одного, а теперь про честность мелет.

– Вали в берлогу, где спал весь бой!

– Кажись, она аккурат под юбкой Белоснежки!

Дружный смех разносится до высоких потолков, а бледной Светлане будто и дела нет до гогота толпы. Сощурившиеся зенки с лунами смотрят только на меня, не отрываясь, не моргая. Да, сейчас я еще тот красавчик – губы всмятку, сечка на пол-лица, гематомы на скулах. Есть чем полюбоваться для такой садистки. Главное, держать фрактал Гиба на привязи, а то расстроится

красавица.

– Эй, Бесонов… нет, Бесенок, – кричит кто-то. – Околоти заодно и этого подкаблучника! Мы никому не скажем, честное дворянское!

– Давай! Бесенок!

– Бесенок! Бесенок! Бесенок!

Судья бледнеет и даже отступает за спины санитаров, укладывающих на носилки Сергея.

– Пошел он, – сплевываю я сгусток крови и ухожу с арены.

Меня окружают однокурсники. Сейчас их обычно снобистские лица улыбаются. Все меня хлопают по плечу. Под десятками взглядов учеников хромаю для правдоподобия. С якобы страдальческим лицом прижимаю руку к боку. Ученики сочувственно вздыхают:

– Драться без доспеха – весь грудак наверняка всмятку!

– И почки должны быть выбиты! Видели, сколько он выхаркал крови?

– А при всем этом он победил Воина и четверых Учеников? Бесенок? Нет – он Бес! Настоящий Бес!

– Да – Бес!

– Бес! Бес! Бес! Бес!

Кругом торжественное ликование молодых аристократов. Похоже, сейчас их совсем не заботит потеря поставленных денег. И они словно забыли, что я простолюдин. Как, оказывается, легко завоевать толпу – нужно всего лишь побеждать.

Мне же по душе раздающиеся лозунги. Бес, значит? Хоть я всю жизнь боролся с демоническими тварями, мне почему-то нравится это прозвище. Оно словно развязывает руки, разрешает использовать любые, даже бесчестные методы, чтобы защищать близких и оставаться победителем. Оставаться чемпионом.

– Артем! – хватает меня под руку Алла. – Я тебе помогу дойти. И не отойду от тебя сегодня больше ни на шаг.

– Извини, княжна, я бы с радостью. Но что подумают остальные, когда ты уединишься со мной в моей комнате.

– Какая комната? Тебе нужно срочно к целительнице лицея. Она излечит раны с помощью живы.

М-да, засада. Были бы еще у меня эти раны. Нет, светить своими целыми костями нельзя. Надо оторваться от Аллы… что это? Она плакала?

Прикасаюсь пальцами к ее лицу. Стираю горячую мокрую дорожку с холодной щеки. Очень тоненький влажный след.

– Всего одна слеза? Я так мало стою…

– Князей Настьевых с детства учат контролировать свои эмоции, – она не сводит с меня глаз. – Нас с детства учат держать себя в узде.

– Тогда откуда эта одна-единственная слеза?

Она молча трогает уголок моего разбитого рта, и на ее длинных ресницах вспыхивают влажные капли. Град назревающих слез.

– Даже самая крепкая узда может лопнуть.

Теперь по ее щекам струится целый поток. Крепко обнимаю Аллу и плевать на Аксюка. Как он наглядно показал сегодня: бессарабский барончик не может защитить Аллу, а я могу. Значит, пускай отвалит.

– Мне правда нужно к целителю, – вожу носом по ее волосам.

– Что-то заболело? – спохватывается.

– Нет, совсем наоборот – из-за меня плачет восхитительная девушка, и мне хочется улыбнуться, да эти оладья пока не способны, – показываю пальцем на кровоточащие губы.

Она легонько толкает меня в бок.

– Из-за тебя плачет девушка, а тебя тянет улыбаться? Ну и бессердечный же ты!

Алла прикусывает губу и улыбается, хотя слезы продолжают бежать. Еще немного понежившись от ее близости, я становлюсь серьезным.

– Княжна, перед целителем мне кое-что обязательно нужно сделать. Тебя я взять с собой не могу, прости.

– Но почему?

Врать не хочется, только не той единственной, что за меня заступилась.

– Не могу сказать. Извини. Это моя тайна, – отпускаю девушку и, на прощание проведя ладонью по овалу ее лица, просто ухожу.

Времени мало. Слишком долго я сдерживаю исцеляющий фрактал. В любой момент он может вылечить кровоподтеки, и нельзя делать это при такой толпе.

– Постой, – тихо говорит Алла мне в спину, я слышу, но не останавливаюсь.

Глава 11

Откровеньице

Переодевшись, выхожу на улицу через запасной выход – он прямо в раздевалке. Скрываюсь от возможных любопытных глаз в кленовой аллее. В стороне от песчаной тропинки повсюду заросли, зеленые ветви провисают очень низко, создавая эффект туннеля. Попадается тоненькая яблоня. Срываю пару ранеток, пихаю в сумку – оценю потом, как фейс подлечу. Из-за завесы кустов наблюдаю за главным входом в клуб саммо.

На телефон приходит сообщение от Оли: «Видела твой снафф… Совсем рехнулся?»

Какой еще снафф? Дублирую вопрос в мессенджере. Оля скидывает ссылку в «рутуб». Несколько секунд смотрю, как я шатаюсь по арене, будто гаражный алкаш, уворачиваясь от синеволосого с «серьгой». М-да, стиль «пьяный кот» во всей красе. В комментариях все угорают, кто-то уже наделал с меня мемов, просмотры растут в геометрической прогрессии. Что ж, не выйдет с лицеем – смело можно идти в блогеры. Комедийный стендап, смотрю, процветает.

Пишу: «Победителей не судят».

«Тебя чуть в лепешку не расшибли. Родителей пожалел бы».

«Это все ради них. Теперь мне дадут отучиться спокойно. А отучусь – и на работу хорошую устроюсь, буду помогать деньгами».

Вижу, как что-то строчит, долгая пауза, снова строчит.

«В субботу в силе?»

Текста с воробьиный носок. А я уже к длинной нудятине а-ля описание дуба Толстого приготовился.

«С чего бы быть не в силе?»

«Но тебя же побили, болит наверняка».

«Пересмотри ролик еще раз – это я всех побил. Все в силе».

«Хорошо, не откинь ноги до субботы. Терпеть не могу менять планы».

Из дверей клуба появляется Светлана. Узкое лицо – сама серьезность. Свита послушно следует за ледяной королевой, но девушка велит эскорту удалиться с глаз, а сама направляется в сторону зарослей. Прямо папочке в руки.

Подгадываю удачный момент. Моя рука резко вылезает между листвой. Хватаю княжну за плечо и дергаю к себе под яблоню. Она не вскрикивает, не возмущается, лишь брезгливо смотрит на меня, как на таракана. Удивительно, ведь это я имею право ее раздавить после сегодняшнего. И даже очень хочется.

Тяну ладонь к бледному лицу и заправляю ей за ушко выбившуюся белоснежную прядь. Светлана не вздрагивает, не отдергивается. Губы лишь поджимает. Черт, кто ты такая? Где та улыбчивая девочка со снимка?

– Ты очень жестокая, но это полбеды. Главное – к тому же безмозглая, – говорю то, что думаю. – Как ты там ляпнула? «Под мою ответственность». А если бы все закончилось чьей-нибудь смертью? Как бы ты несла свою ответственность?

– Не волнуйся, – отмахивается она. – Твоим родителям выплатили бы компенсацию. Им хватило бы на всю оставшуюся жизнь.

Она что, хочет так меня взбесить? Наивная.

– Дура дурой, – спокойно выношу вердикт. – Ты даже не рассмотрела более вероятный исход. А что если бы кто-то из дворянят умер? У меня ведь были развязаны руки. Ты взяла на себя всю ответственность, с меня взятки гладки. А если бы я на хрен убил бы всех противников, а? Всех пятерых? И еще и подстилку-судью в придачу? Долго твой род разгребал бы за тобой?

На самом деле мне очень хотелось так сделать. Не будь Светлана той девочкой со снимка, возможно, и учудил бы кровавую баню. Просто часто выручала та фотография. В Страшном мире она служила мне моральным допингом. Когда на сотни километров вокруг простирались одни выжженные демонические пустоши, когда казалось, что живых людей не осталось, доставал мятый листок из кармана, смотрел на детскую улыбку – и гнетущая депрессия отступала. Где-то еще держатся люди, где-то прямо сейчас, возможно, улыбается эта девочка, а значит, рано демонику Перуну сдаваться. Мочи тварей, демоник, спасай крупицы

людского мира.

Светлана молчит, зыркает золотыми глазенками и молчит. А затем вдруг выдает очень странное:

– Ты меня бросаешь?

М-м-м… чегось? Куда бросаю? Даже пальцем еще не тронул.

– Объяснись.

– Та болгарка Алла – все видели, как ты ее обнимал, – она указывает тонким пальцем на зрачки в форме лунных серпов. – Но только я вижу странную энергию, которой ты забил ей мозги. Мой родовой геном не обмануть. Ты околдовал ее и сделал своей собачкой.

Энергия? Она о фрактале Яка? Подожди, но он же излучает только ужас. Вроде бы… В Страшном мире я его обычно на демонах использовал. И все они меня боялись, ну или были равнодушны к психическим волнам, если сила воли железная. Никто не лез целоваться. Правда, однажды крутая демонесса попалась. Поначалу дралась как бешеная волчица. А когда пустил на нее псих-шторм – тут же притихла, алые глазища округлила, демонская морда покраснела. Завиляла голыми, покрытыми красной чешуей бедрами, руками странно стала водить вокруг грудей. Ну я и не мешкая разорвал ее «Громовым когтем». Так это что, выходит, она брачный танец мне танцевала… Стоп, Тём, не делай ранних выводов. Вспомни – сам Генерал Як среди демонов не славился ловеласом. Ага, да только жен у него было больше тысячи, а наложниц около десяти тысяч…Черт! Так его фрактал нужен для привлечения самок? Не только дух врага подавлять? Попадалово…

– После аварии ты мне не звонил – не писал, – тем временем Светлана продолжает вселять смуту в мои мысли. – Так это из-за болгарки? С нами покончено?

– А у нас что-то было? – я в растерянности говорю явно то, что говорить не должен.

– Свободен, простолюдин. – Она отворачивается к тропинке.

Я заслоняю ей дорогу.

– Подожди…

– Не хочешь тратиться на объяснения? – сквозь ее безэмоциональную маску проступают искры гнева. – Что ж, пытайся дальше игнорировать меня.

– Это не игнор, – подбираю слова. – Просто хочу знать, как это представляла именно ты. Ну то, что было между нами…

Лепечу явный бред из сериалов, но он срабатывает.

– Мы тайно встречались, – обиженно заявляет она и толкает меня плечом… Облаченным в ментальный доспех.

Хруст.

Плечевая кость ломается, но я не обращаю внимания на боль. Потому что в замешательстве.

Ну, Бесенок, и малолетний чертяга! Даже у чада князей Бородовых успел отметиться.

Глава 12

Должок

Сминая туфлями траву, Светлана удаляется. Белые волосы гуляют по ее спине, подметая кончиками талию.

Дергаюсь следом, по пути регенерирую сломанное плечо. Торможу девушку.

– Мне нужно, чтобы ты унялась. Больше никаких подстав вроде сегодняшнего боя, ясно?

Она, хмурясь, разглядывает меня.

– Я разве не сломала тебе плечо?

– Не сломала. Так ты меня поняла?

Светлана выпрямляется.

– Низкородный простолюдин, не смей мне указывать. Я – княжна из рода Бородовых!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/volodin_grigoriy/bessil-nyy-chempion

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить